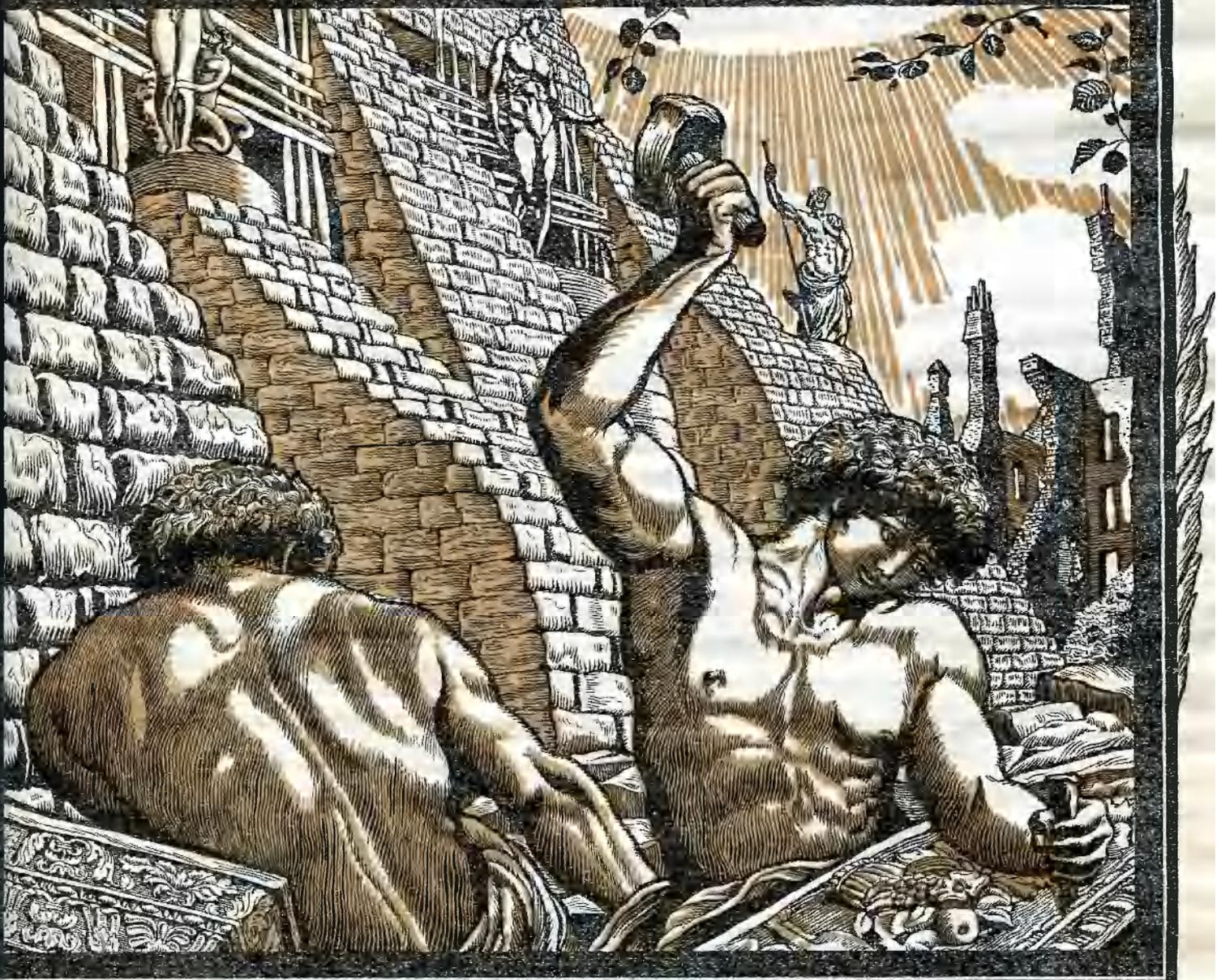

1-я экз. № 109

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

1915 № 8

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

ГОЛОСЪ ЖИЗНИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНИКЪ

издаваемый Акц. Общ. Издательства А. А. Каспари въ Петроградѣ, при ближайшемъ участіи Д. В. Философова.

Петроградъ.

№ 8

18 февраля 1915 г.

Перенесение праха А. М. Колобакина изъ братской могилы.

О Б О В С Е М Ъ.

Мармеладовъ и стереоскопъ.

Народное пьянство — зло, если не безусловное, то несомненно грозное. Запретительныя мѣры не касаются источниковъ и сущности этого зла, и потому уничтожить его не могутъ. Злу надо противопоставить вѣчто положительное, активное. Какъ сообщаетъ „Рѣчь“ (№ 31, 1-го февраля), „комиссія по разработкѣ общаго плана вѣнскольпаго образованія представила въ городскую думу докладъ о необходимости принятія ряда мѣръ къ удовлетворенію духовныхъ потребностей массъ населенія“. Этотъ докладъ способенъ навести на самыя горькія размышленія.

Россия пропивала ежегодно около миллиарда рублей; следовательно были десятки миллионныя и вѣроятно вѣсколько миллионныя люди пьянствовали. Почему-то цѣлыя толпы народа шли въ кабаки, пропивали тамъ заработанныя тяжелымъ трудомъ деньги, губили здоровье. Значитъ, серьезная потребность въ чемъ-то была, „жизнь не удовлетворяла“. Алкоголь, доставлявшій временное и ложное удовлетвореніе, запретили. Неудовлетворенность, разумеется, осталась. Предъ государствомъ и обществомъ стоитъ теперь серьезнѣйшая задача: дать широкимъ массамъ чистое удовлетвореніе. Что же дѣлаетъ общество? Инициаторы вышеупомянутаго доклада полагаютъ, что „въ цѣляхъ борьбы

съ пьянствомъ“ для народа нужно открыть чайныя, въ которыхъ „должны быть газеты, иллюстрированныя журналы, стереоскопы“, а при чайныхъ—общіе залы „для устройства чтенія съ туманными картинами, кинематографическихъ сеансовъ, лекцій, концертовъ, любительскихъ спектаклей и вечеринокъ съ танцами“.

Противъ стереоскопа „вообще“ ничего возразить нельзя, но когда этотъ „стереоскопъ“ предлагаютъ... Мармеладову, тогда становится... стыдно. Даже если горьковскому Нилу изъ „Мѣщанинъ“ предлагаютъ „для удовольствія“ кинематографъ да „вечеринку съ танцами“,—и то становится неловко. Почему думаютъ, что „простому“ человеку достаточно того, чего для самихъ попечителей—несомненно—недостаточно. И почему зло пьянства надо замѣнить непременно пошлостью? И почему тотъ самый кинематографъ, который,—по справедливому мнѣнію большинства,—является развратителемъ вкуса и насадителемъ пошлости среди „интеллигентной публики“, можетъ приносить пользу и правильно развивать эстетическій вкусъ въ народной средѣ? Каждый рабочий или крестьянинъ могъ бы сказать: „Я не интересуюсь „Гамлетомъ“ и „Фаустомъ“ и не читалъ ихъ, но это не значитъ, что во мнѣ нѣтъ Гамлета, Фауста или короля Лира. Они спасаны съ меня столько же, сколько и съ васъ. И если мнѣ недоступны эти книги вслѣдствіе моего малаго умственнаго развитія, это еще не

значить, что мнѣ нужны „искусство третьяго сорта“ и „стереоскопъ“. А какойнибудь Васька Пепель пожалуй еще возьметъ да и хватить по стереоскопу кулакомъ.

Нельзя сомнѣваться въ томъ, что комиссія вѣтшкольнаго образования не желаетъ народу ничего дурного. Дѣло въ томъ, что она не желаетъ ему ничего хорошаго. Иначе она не стала бы предлагать стереоскопъ для излеченія той огромной язвы, которая образовалась въ душѣ народа вслѣдствіе многолѣтняго пьянства, и той, еще болѣе страшной и даже неразгаданной вполнѣ язвы, которая требовала алкогольнаго яда. Русское пьянство значителѣе, чѣмъ о немъ думаетъ почтенная „комиссія“, и къ народу, котораго лишили алкоголя, надо идти со Львомъ Толстымъ и съ Некрасовымъ, съ великою любовью, а не съ кинематографомъ и туманными картинками. И еще къ нему надо идти со смиреніемъ, а не съ высокомеріемъ, идти какъ къ равному, а не какъ къ низшему. Съ тишиной. Тамъ же, гдѣ будетъ визжать граммофонъ „о вредѣ алкоголя“, народная душа не перестанетъ страдать и чище не сдѣлается.

Неправильно и неправедно думаетъ тотъ, кто полагаетъ, будто къ добру и правдѣ надо идти окольными путями.

Въ борьбѣ съ пьянствомъ „народныя чайныя“ будутъ не болѣе дѣйственны, чѣмъ полицейскій циркуляръ; въ борьбѣ съ источниками пьянства она не будетъ имѣть совсѣмъ никакого значенія, ибо борьба эта должна вестись въ совершенно иной плоскости и обстановкѣ, чѣмъ „чайная“ и „вечеринка съ танцами“.

Идея націи.

Въ петроградскомъ религіозно-философскомъ обществѣ прив.-доц. С. І. Гессенъ сдѣлалъ докладъ на тему: „Идея націи“. Докладчикъ—специалистъ-философъ. И къ темѣ своей онъ по-опель со спокойствіемъ метафизика. Цѣлю его было—желаніе разобраться въ идеѣ „націи“ и помочь слушателямъ слѣдовать голосу разума, а не чпето стихійныхъ увлеченій.

Тема доклада настолько современна и своевременна, что залъ Географическаго общества не могъ вмѣстить всѣхъ желающихъ присутствовать на засѣданіи.

Основная мысль докладчика заключалась въ томъ, что идея націи только тогда творчески жива, когда связана со вселенской идеей человѣчности, съ идеаломъ выше націи стоящимъ. Иначе націонализмъ хирѣетъ, теряетъ творческую силу.

Космополитизмъ по существу своему противоположенъ национализму. Но, какъ это ни странно, между ними и национализмомъ есть большія черты сходства. Оторванный отъ стихій национальности, отъ органической почвы—онъ ведетъ къ скепсису, одиночеству, эпикурейству. Начинаетъ онъ съ идеи всемірнаго гражданства, а кончается самымъ обывательскимъ равнодушіемъ. Оторванный отъ связи съ нацией, космополитъ превращается въ скучающаго, никому ненужнаго скитальца, въ то время какъ націоналпстъ, утратившій связь съ великимъ цѣлымъ, человѣчностью, превращается въ провинціала, въ обпателя Щигровскаго уѣзда. На примѣрахъ Пушкина и Гете докладчикъ показалъ, какъ націо-

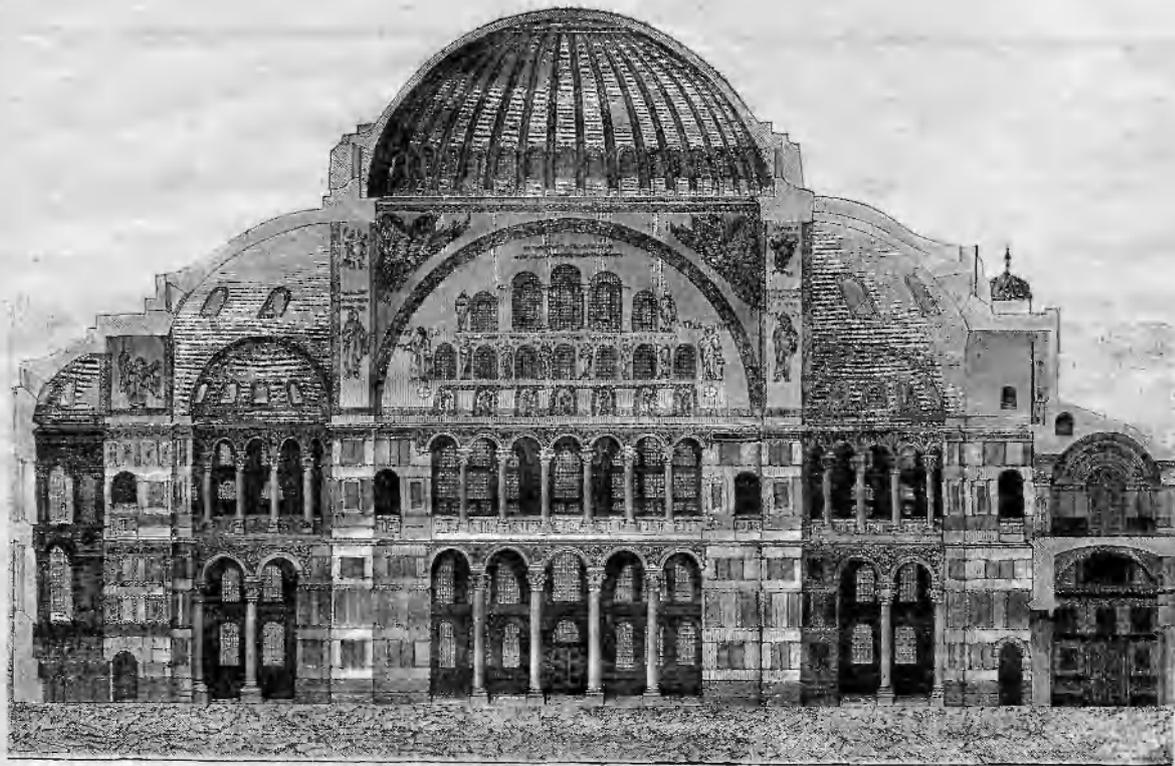
Дозорный пунктъ въ Бельгии.

нальное творчество соприкасается съ творчествомъ общечеловѣческимъ.

Докладъ вызвалъ оживленные и интересныя пренія, въ которыхъ принялъ участіе г-да Муреговъ, Болдыревъ, Щапкинъ, Мережковскій и др. Изъ преній выяснилось, что область чувства, что воля, ведущая къ дѣйствіямъ, не вмѣщаются въ схемы философскаго созерцанія. Здѣсь мы наталкиваемся на категории иррациональнаго порядка, уходяція изъ-подъ власти разума.

То напряженное вниманіе, съ которымъ слушатели слѣдили за докладомъ и преніями, служить яснымъ доказательствомъ, какъ велика въ русскомъ обществѣ потребность спокойно и трезво разобраться въ нахлынувшихъ на насъ событіяхъ и какъ ошибаются тѣ витія, которые стараются кормить публику громкими, пустыми фразами „трагуютъ на ея дурныхъ испинкахъ“.

Св. Софія въ Константинополѣ. Разрѣзъ въ длину.

ГЕОРГІЙ АДАМОВИЧЪ.

ВЕСЕЛЫЕ КОНИ.

I.

Война мало измѣнила жизнь Стебницкихъ. Только Анна Николаевна стала еще больше и еще восторженнѣе говорить, появились въ ея домѣ шарфы и кисеты и иногда бывали собранія благотворительнаго кружка.

Но такъ же, какъ и прежде, по субботамъ покупались у Балле пяти-фуры, въ пріятномъ безпорядкѣ разстелалась мебель и зажигалась низкая, тяжелая лампа, горничная въ бѣлой наколкѣ разносила въ маленькихъ чашкахъ чай.

Анна Николаевна давно мечтала устроить у себя салонъ, но удавалось это плохо. То ея гости садились за карты, — бриджъ или, что было уже совсѣмъ скверно, винтъ, — то разговоръ велся неподходящій, сбиваясь съ высокихъ, волнующихъ темъ на мелкія сплетни.

Теперь помогла война. Карты были изгнаны рѣшительно подлѣ тѣмъ предлогомъ, что грѣхъ теперь проигрывать деньги, которыя можно отдать на раненыхъ, и кромѣ того для салонныхъ бесѣдъ нашлась великолѣпная и незамѣнимая тема.

Анна Николаевна была удовлетворена. Она вела для потомства лирической дневникъ, подъ названіемъ „Моя душа въ кровавые дни“, и иногда прочитывала своимъ гостямъ страницу-двѣ изъ него. Гости одобряли, вздыхали,

а Анна Николаевна, смотря въ одну точку предъ собой, тихо говорила:

— Да, мы всѣ, всѣ теперь должны такъ думать...

Все шло хорошо. Дѣла, пріятнаго и благороднаго, было много, и въ глубинѣ души мечтательная и пылкая дама даже радовалась, что настало „такое время“. Дочъ ея, все такъ же веселая и красивая, ходила на курсы сестеръ милосердія и уже собиралась сдавать экзамень. Только сынъ огорчалъ Анну Николаевну. Несмотря ни на какія увѣщанія и ссоры, онъ жилъ своей прежней жизнью и не хотѣлъ измѣнять ее. Разговоры о томъ, какъ можетъ Сережа ничего не дѣлать, велись въ домѣ Стебницкихъ постоянно. Анна Николаевна дѣлилась своимъ возмущеніемъ съ друзьями, посвящала ему огненные страницы въ своемъ дневникѣ, ссорилась съ сыномъ и все болѣе отдалялась отъ него.

— Вѣдь всѣ, всѣ работаютъ... въ комитетахъ, въ Красномъ Крестѣ... А онъ шляется по улицамъ или сидитъ у себя запертый... Только бы его не трогали. Ты отвѣть мнѣ все-таки... отчего ты ничего не дѣлаешь?

Была блестящая и людная „суббота“.

Сережа улынулся и отвѣтилъ:

— Мнѣ не хочется.

— Нѣтъ, лѣтяга Сергѣй, — дружелюбно вставилъ Лодыгинъ, веселый и бодрый студентъ, казавшійся теперь Аннѣ

Николаевнѣ „очень стильнымъ“, — не хочетъ, ужъ я его пилил, пилил... ну, ничего, пусть погуляетъ.

— Да, сами-то вѣдь вы работаете. Я вѣдь не говорю — на воннѣ... зачѣмъ? но, право, мнѣ стыдно за Сережу. Теперь, теперь такое равнодушіе.

Сережа взглянулъ на мать, возбужденную и покраснѣвшую, и подумалъ:

„Совсѣмъ прачка“...

Онъ опять улыбнулся.

— Видите, я думаю, что идти на войну... не для России, а для себя... видѣть, взволноваться... это — эгоизмъ... съ неожиданнымъ и случайнымъ вкладомъ куда-то... на пользу.

Онъ говорилъ ни на кого не глядя, но будто мягко возражая кому-то, споря или соглашаясь.

— Да, ну такъ что же?

— Да, — Сережа вдругъ покраснѣлъ и потерялъ нить мысли, — тогда я свободенъ... мнѣ не хочется, понимаете... я вижу и здѣсь, а всѣ эти катастрофы — смѣны эпохъ, — онъ брезгливо поморщился, — все, что пишутъ теперь въ газетахъ... мнѣ это неинтересно...

— Нѣтъ, я не могу... я не хочу это слушать, — нервно вскрикнула Анна Николаевна.

Обыкновенно послѣ этихъ ссоръ и спенъ Сережа дѣлалъ еще невозмутимѣе и съ еще большимъ упорствомъ говорилъ о своей правотѣ. Но самъ себѣ онъ искренно никогда не могъ отвѣтить, почему онъ правъ, и ничего не зналъ. Онъ понималъ, что ему идти на войну не хочется, вообще ничего ломать не хочется, а работать здѣсь просто скучно и времени жаль. И въ то же время онъ видѣлъ, что вокругъ все ломается и неудержимо несетя впередъ, а онъ остается на мѣстѣ. Онъ удивлялся, печалился своей сонной жизнью со стихами, музыкой и поздними бесѣдами и самъ любовался своей печалью. Иногда онъ думалъ: „Конечно это — лѣнь“. Иногда же казалось: „Нѣтъ, такъ надо. Я не могу иначе. Ничего, ничего, только не надо объ этомъ думать“. И такъ успокаивался.

Недоумѣніе Анны Николаевны усилилось, когда Сережа совсѣмъ пересталъ читать газеты.

— Нѣтъ, я этого не понимаю... отказываюсь рѣшительно...

Иногда забываясь она передавала ему „Новое Время“ съ какой-нибудь отмѣченной синимъ карандашомъ статьей, гдѣ рассказывалось о необыкновенномъ подъемѣ духа въ населеніи или о подвигѣ юнаго добровольца.

— Правда, какъ это прекрасно.

— Да, конечно...

И онъ, пробѣжавъ статью, оставлялъ газету.

— Сережа, покажи мнѣ пожалуйста, гдѣ Рава.

Ему становилось стыдно, что онъ не знаетъ, гдѣ Рава, и не хватало мужества признаться въ этомъ. Онъ не читалъ газетъ изъ-за всякихъ комментариевъ, но вѣдь здѣсь факты, какъ же можно не слѣдить за ходомъ войны; конечно это — лѣнь...

— Рава... здѣсь... вотъ.

— Гдѣ? я не вижу.

— Здѣсь... не знаю... у насъ такая карта, что ничего не разберешь...

Сережа ходилъ въ университетъ, но занимался немного. Дома, съ матерью и сестрой, онъ быть не любилъ. Онѣ были очень оживлены, очень заняты и всегда говорили о раненыхъ или теплыхъ вещахъ. Его тяготило постоянное и нескрываемое пренебреженіе въ ихъ отношеніи къ нему и то, что онѣ будто нарочно говорили при немъ объ общей бодрости и радостной вѣрѣ. Иногда онъ старался быть съ ними рѣзкимъ или вѣжливо-холоднымъ, но это удавалось плохо. Только съ каждымъ днемъ все болѣе чужими становились Сережѣ и мать, и сестра. Все попрежнему спокойный, не взволнованный своей лѣнью, онъ мало-по-малу, также лѣнливо и вяло, начиналъ уступать и думалъ: „Я могу... но мнѣ жаль, мнѣ очень жаль всего... Все-таки здѣсь я работать не стану“.

Ходили слухи о томъ, что всѣ студенты будутъ призваны къ службѣ.

Сережа вдругъ обрадовался.

„Самому рѣшиться трудно, но, если будутъ, это хорошо“.

И ему видѣлся уже военный лагерь ранней весной, земля въ черныхъ проталинахъ и слѣдахъ рыхлаго снѣга и синее, холодное небо.

Онъ шелъ по набережной. Низко нависли тяжелыя облака и вѣтеръ со взморья рѣзалъ ему глаза.

„Вотъ теперь все измѣнится. Съ войны вернешься совсѣмъ другимъ... Иначе быть не можетъ. Странно... Петроградъ... Петербургъ... это все одно. Просто это кончился девятнадцатый вѣкъ... и вотъ всѣ мы уже ненужны“...

Издали онъ узналъ быстро шедшаго ему навстрѣчу Лодыгина. За вѣскольکو шаговъ тотъ, веселый и красный, замахалъ ему руками.

— Прощай, прощай, Сергѣй...

— Отчего?

— Буду послѣзавтра на войну съ нашимъ отрядомъ. Ты не вѣришь, какъ я радъ... Не могу больше здѣсь сидѣть.

Сережа пожалъ ему руку.

— Ну, поѣзжай... Я, можетъ быть, тоже скоро тамъ буду... возьмуть.

— Что ты? Ты вѣдь не на первомъ курсѣ? Тебя не возьмуть... не знаешь, что ли?

— А, такъ. Наверно?

— Да, ужъ повѣрь мнѣ. Не хочешь, братъ? Пороха не нюхалъ? Эхъ, махнулъ бы со мной, вотъ это — дѣло. Что здѣсь киснуть!

— А развѣ мнѣ можно?

— Отчего же нельзя... поѣзжай въ Варшаву, тамъ я тебя устрою. Ты вѣдь былъ годъ въ медицинкѣ?

— Да. Послушай, я поѣду.

Лодыгинъ широко улыбнулся.

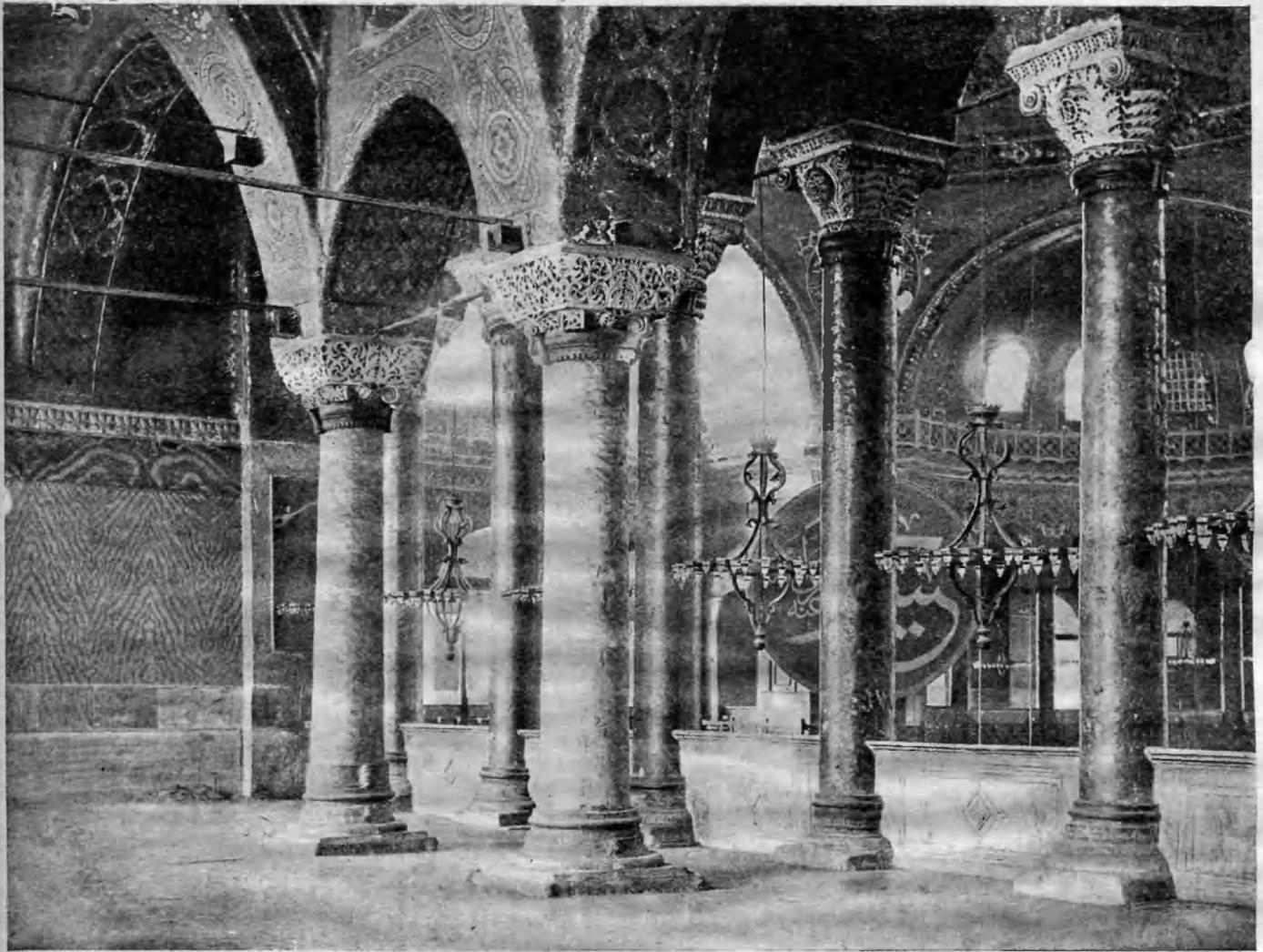
— Правда? Что это съ тобой?

Сережа снялъ фуражку, провелъ рукой по волосамъ и слѣлъ на гранитъ падъ Невой.

— Такъ. Все равно я поѣду, мнѣ надо, только съ тобой вмѣстѣ.

Са. Софія. Схема внутреннего вида.

Св. Софія. Внутренній видъ.

— Ну, разумеется, со мной... Да ты серьезно или мочришь только.

— Нѣтъ, видишь, я очень хочу... очень хочу. Все-таки вѣдь это—разъ въ жизни.

— Да ужъ, для тебя второй такой войны не устроить.

— Ну, да, — ласково улыбнулся Сережа, — я поѣду. Я позвоню тебѣ завтра.

Вернувшись домой, Сережа зашелъ въ комнату матери и, насколько могъ, просто и весело сообщил матери о своемъ рѣшеніи. Анна Николаевна сначала не повѣрила, а потомъ принялась браниться и плакать о томъ, что вотъ все, все у Сережи такъ, что онъ ковечно—помѣшанный и никогда ея не слушаетъ и не совѣтуется съ ней. Маруся тоже негодовала и настаивала, что ѣхать на войну бессмысленно, а Россіи можно служить и здѣсь.

— Ахъ, оставьте меня ради Бога! — вдругъ закричалъ Сережа, — я поѣду не для Россіи совсѣмъ, не для васъ, ни для кого... поѣду потому, что хочу...

Онъ убѣждалъ къ себѣ и хлопнулъ дверью.

Въ его комнатѣ все было убрано. По стѣнамъ висѣли дубки и Врубели, слегка пахло табачнымъ дымомъ. На столѣ лежало письмо. Онъ прочелъ адресъ. Узнавъ почеркъ, отложилъ его и сѣлъ въ кресло, и долго сидѣлъ, ничего не

думая и сложивъ руки на колѣнахъ. Потомъ всталъ, подошелъ къ зеркалу, зажегъ электрический рожокъ и сталъ смотрѣть на себя.

„Вотъ, хотѣлъ иначе причесываться... волосы больше на лобъ—теперь не надо, все равно.—Онъ видѣлъ свое блѣдное и худое лицо съ мягкими волосами, и ему было жаль себя.—Убьютъ... и вотъ никогда здѣсь больше стоять не буду... Нѣтъ, не убьютъ“...

Сережа взялъ письмо и вскрылъ его.

„Милый, приходите завтра на выставку. Будетъ очень...“

Онъ улыбнулся и громко сказалъ:

— Вотъ и не пойду, вотъ и не пойду...

И сейчасъ же подумалъ:

„Какъ пріятно и какъ странно говорить одному громко. Все-таки это очень хорошо—то, что со мной случилось“...

II.

Лодыгинъ ѣхалъ въ санитарномъ поѣздѣ и оказалось, что Сережѣ сопровождать его нельзя. Они условились встрѣтиться въ Варшавѣ. Дорога была долгой, но не скучной, — уже на вокзалѣ повѣяло войной. Въ обмерзшихъ, набитыхъ вагонахъ говорили только о ней, читали послѣднія телеграммы, ловили слухи. ѣхало много офицеровъ, возвращав-

Константинополь. Панорама.

шихся из госпиталей в полки, были добровольцы, врачи, сестры, матери, искавшие своих близких, и дѣловые люди, какъ всегда снующе между Петроградомъ и Варшавой.

На станціяхъ встрѣчались войска и артиллерія, поѣздъ шелъ тихо-тихо, пыхѣлъ и поминутно останавливался. Говорили о томъ, что нѣмцы плутъ на Варшаву и теперь стоятъ недалеко отъ города. Сережа равнодушно слушалъ всѣ эти толки, а самъ говорилъ мало. Онъ не зналъ, что ждетъ его, и не думалъ объ этомъ, но смущенно и растерянно вспоминалъ оставленный городъ и свою городскую, лѣтнюю жизнь. Ему казалось, что онъ вдругъ легко вырвался изъ влажнаго и теплаго болота, но это свое болото онъ любилъ и совсѣмъ бросать его не хотѣлъ. Тяжелымъ и труднымъ было прощаніе съ матерью. Оно совсѣмъ „не вышло“... и слова не тѣ говорили, и плакали не такъ. Все не то. Въ глубинѣ души онъ сильно и спокойно любилъ мать, и ему было грустно думать, что она этого не знаетъ.

„Да вѣдь это я для нея поѣхалъ, она меня послала... Я самъ не догадался бы никогда, что надо“.

Наконецъ въ мокрое, сѣрое утро поѣздъ пришелъ въ Варшаву.

Сережа отыскалъ Лодыгина и рѣшилъ, что останется у него почевать. Ѣхать имъ надо было на слѣдующій день.

Вечеромъ бродили по свѣтлому и веселому городу. Въ кафе звенѣла музыка, гуляли нарядныя дамы, и Сережа не вѣрилъ, что это—Варшава, что онъ ѣдетъ на войну и вотъ

не можетъ придти домой, зажечь лампочку у кресла и сѣсть читать стихи, а завтра встать, когда хочется.

Вернулись поздно. Ночью Сережѣ снились поле и трубы, небо все красное, въ крови или, можетъ быть, въ огнѣ заката. Вѣлые копи носились по полю, и вдругъ онъ очутился на спинѣ одного изъ нихъ, подъ легкой развѣвающейся гривой, и конь помчалъ его, бѣшено топая и взвиваясь, прямо въ красное небо. Проснулся усталый и грустный и, сидя на кровати, безсвязно сталъ рассказывать, что видѣлъ.

— Понимаешь, это небо... наверху желтое, какъ прованское масло, а книзу красное, красное... и я туда лечу... Это нехорошо... предзнаменованіе.

Онъ улыбнулся.

— Фу, баба, вотъ весь ты тутъ,—сердито сказала Лодыгиня,—еще на войну. Тоже!.. Тебѣ на печкѣ сидѣть, да съ няньками сны гадать.

Поѣхали очень просто, не такъ, какъ ожидалъ Сережа, безъ всякихъ приготовленій, на перевязочный пунктъ. Въ моторъ сѣли докторъ, двѣ сестры изъ Петрограда, Лодыгиня и Сережа. Шоссе было изрыто и попорчено, но автомобиль летѣлъ, какъ стрѣла.

Ѣхали долго и всѣ молчали.

— Ага, жарятъ,—вдругъ желчно сказалъ докторъ.

— Что это?

— Вой... слышите грохочутъ. Уже нѣсколько сутокъ,—пе унимаются, черти.

— Да, я давно слышу,—проговорилъ Сережа.

Ему казалось, что грохотъ этотъ, сначала слабый, какъ далекий гулъ, растеть съ неодолимой силой и быстротой.

Опять всё замолчали.

Наконецъ Сережа спросилъ:

— Гдѣ же это... близко?

— Да, сейчасъ прѣдемъ. Однако же вы — нѣженка, — и докторъ съ усмѣшкой взглянулъ на его блѣдное лицо, — вамъ самому надо ваэерьянка прописать.

Сережа отвернулся и сухо сказалъ:

— Нѣтъ, у меня только сердце скверное.

Временнымъ перевязочнымъ пунктомъ служила большая и свѣтлая изба.

Отрядъ встрѣтила сестра милосердія, растрепанная, безъ платка на головѣ, вся обрызганная кровью.

— Ради Бога, я же не могу, я сама здѣсь съума сойду, вѣдь никого нѣтъ, доктора нѣтъ, раненые стонутъ... надо скорѣе перевести пунктъ, здѣсь опасно...

Докторъ далъ ей все сказать и потомъ холодно проговорилъ:

— Успокойтесь, сестра... Пунктъ въ безопасности. Врачебный персоналъ налицо. И нельзя же такъ теряться.

У сестры выступили на глазахъ слезы.

— Да, попробовали бы вы здѣсь... съ раннего утра... сестра Перфилова ушла... Стеблова больна... я больше не могу, я не могу.

— Успокойтесь, сестра, — уже строго повторилъ докторъ и прошелъ впередъ.

Раненые лежали на шинеляхъ, на полу, стонали и всхлипывали.

Докторъ спокойно и привычнымъ взглядомъ оглядѣлъ избу.

— Ну, тутъ со многими не долго возиться... не надо первничать, сестра...

Онъ повернулся къ шедшему за нимъ Сережѣ:

— Стебницкій, этому ногу... надо перевязать немедленно.

И онъ указалъ на лежавшаго безъ памяти солдата, съ окровавленными безформенными ногами.

— Да... хорошо, — торопливо отвѣтилъ Сережа.

Онъ сталъ на колѣна, досталъ бинтъ и хотѣлъ начать перевязку.

„Какъ же, промыть вѣдь надо... или такъ“.

Онъ заглянулъ солдату въ глаза. Глаза были закрыты и лицо совсѣмъ бѣлое. Одинъ тонкій и длинный усъ былъ прикушенъ въ тѣсно сжатыхъ зубахъ.

„Нѣтъ, надо бинтъ перекрутить“...

Докторъ, горячо упрекая въ чемъ-то сестру, вмѣстѣ съ ней подошелъ къ Сережѣ.

— Ну что, готово?

— Нѣтъ... онъ кричитъ и пить проситъ.

Докторъ рѣзко остановился и побагровѣлъ.

— Да что вы здѣсь, нѣжность разводить прѣехали? Вѣдь

Св. Софія. Внутренни видъ.

онъ умереть изъ-за васъ! Что вы всё съума свести меня хотите! Вы—олухъ, понимаете? Убирайтесь сейчасъ же вонъ отсюда... идите таскать раненыхъ... это—для васъ занятие... Убирайтесь!

Онъ рѣзко схватилъ Сережу за рукавъ и толкнулъ къ двери.

Сережа ничего не отвѣтилъ и вышелъ. Гдѣ-то, казалось—совсѣмъ близко, тяжело грохотали орудія, и иногда въ промежуткахъ было слышно, какъ имъ отвѣчаетъ другой, болѣе слабый гулъ.

„Что это, эхо или нѣмцы, — подумалъ Сережа, — вѣрно нѣмцы. Нѣтъ, это—не то... совсѣмъ не то, что я думалъ. Странно же, что вотъ война, а я иду одинъ по полю... и никто не знаетъ, кто я и куда я иду... Только гдѣ же мнѣ найти раненыхъ? Это дальше навѣрно... Надо идти къ выстрѣламъ“.

Онъ пошелъ по будто выжженной, черной и сухой землѣ. Въ ямахъ и канавахъ лежалъ крѣпкій снѣгъ. Рѣзкій, неровный вѣтеръ поднималъ холодную пыль и рвалъ съ него фуражку. Сережа хотѣлъ держать ее, но руки зябли, и онъ поочередно пряталъ ихъ въ карманы.

Св. Софія. Вышній видъ.

Въ сторонѣ онъ замѣтилъ слѣды какой-то дороги, спускавшейся подъ полуразрушенный мостъ.

„Надо здѣсь идти по дорогѣ. Здѣсь навѣрно приду, куда надо“.

Онъ спустился, прошелъ подъ мостомъ и вышелъ на широкую, открытую поляну.

„Можетъ быть, тамъ, у лѣса, нашп,—подумалъ онъ и пошелъ по краю поля къ синѣвшему лѣсу.—Ну, да, конечно и тамъ люди... Надо туда идти... Вотъ и направо тоже... Что это!.. Что?“

Сереза вдругъ увидѣлъ, что совсѣмъ рядомъ съ нимъ съ глухимъ свистомъ унало что-то и будто завертѣлось.

„Да, вотъ... сейчасъ“, — подумалъ онъ, и въ это мгновение почувствовалъ тяжелый и горячій ударъ въ животъ и ноги.

Онъ упалъ.

Сереза очнулся отъ дикаго визга и рева надъ собой. Онъ увидѣлъ, что шагахъ въ двадцати отъ него бѣгутъ какіе-то сѣрые люди, съ ружьями наперевѣсъ и свѣтлыми, перекошенными лицами.

— Это—наши... вѣрно побѣда..

Ему было легко и не больно. Онъ хотѣлъ подпиться, но ни голова, ни руки не слушали его и будто свинцовыя лежали на землѣ. Все тѣло ныло и слабѣло.

По небу летѣли быстрыя, бѣглыя облака, разрывались, и тогда былъ виденъ голубой легкій воздухъ.

Серезѣ казалось, что эти облака—все жестыяныя и бѣгутъ вдогонку одно за другимъ, сталкиваются, звенятъ и ломаются.

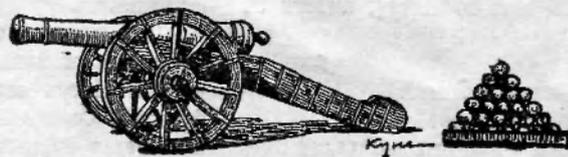
„Зачѣмъ они такъ летятъ. Какъ бы хорошо такъ летать... а вотъ эти жестыянки... Я раненъ... но легко... это—пустыяки. Снесутъ на пунктъ... вылечать... А вдругъ не найдутъ... Нѣтъ, найдутъ. Какъ не найти. Вотъ бѣгутъ уже“...

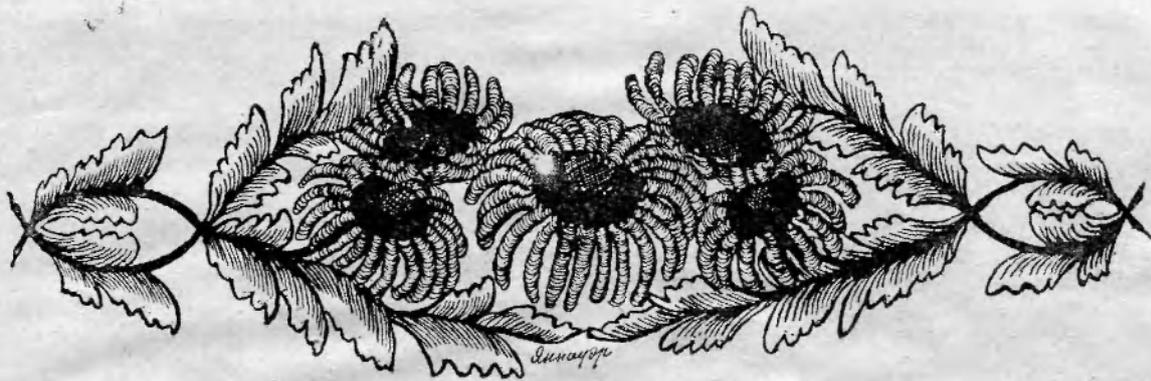
Мимо пробѣжалъ человекъ съ повязкой на рукѣ. Сереза хотѣлъ позвать, но голоса нехватило. Онъ только со страшнымъ усилениемъ приподнялся и опять упалъ на землю.

„Ну, ничего... найдутъ послѣ... все равно... найдутъ“. Голова его слабѣла.

Онъ лежалъ въ темной лужѣ крови, ничего не думалъ и умеръ, смотря мутными большими глазами въ небо.

Георгій Адамовичъ.

НА НЕВѢ,

I.

Съ каждымъ днемъ все бѣлѣе ночи,
Все пронзительнѣй крикъ сирень...
Знаю, дни будутъ снова короче,
Только я боюсь перемены.
И, какъ прежде, убого-нестройный
Миръ мнѣ кажется снова чужимъ!
Я недавно видѣлъ на бойнѣ
Теплой крови бѣлѣющій дымъ.

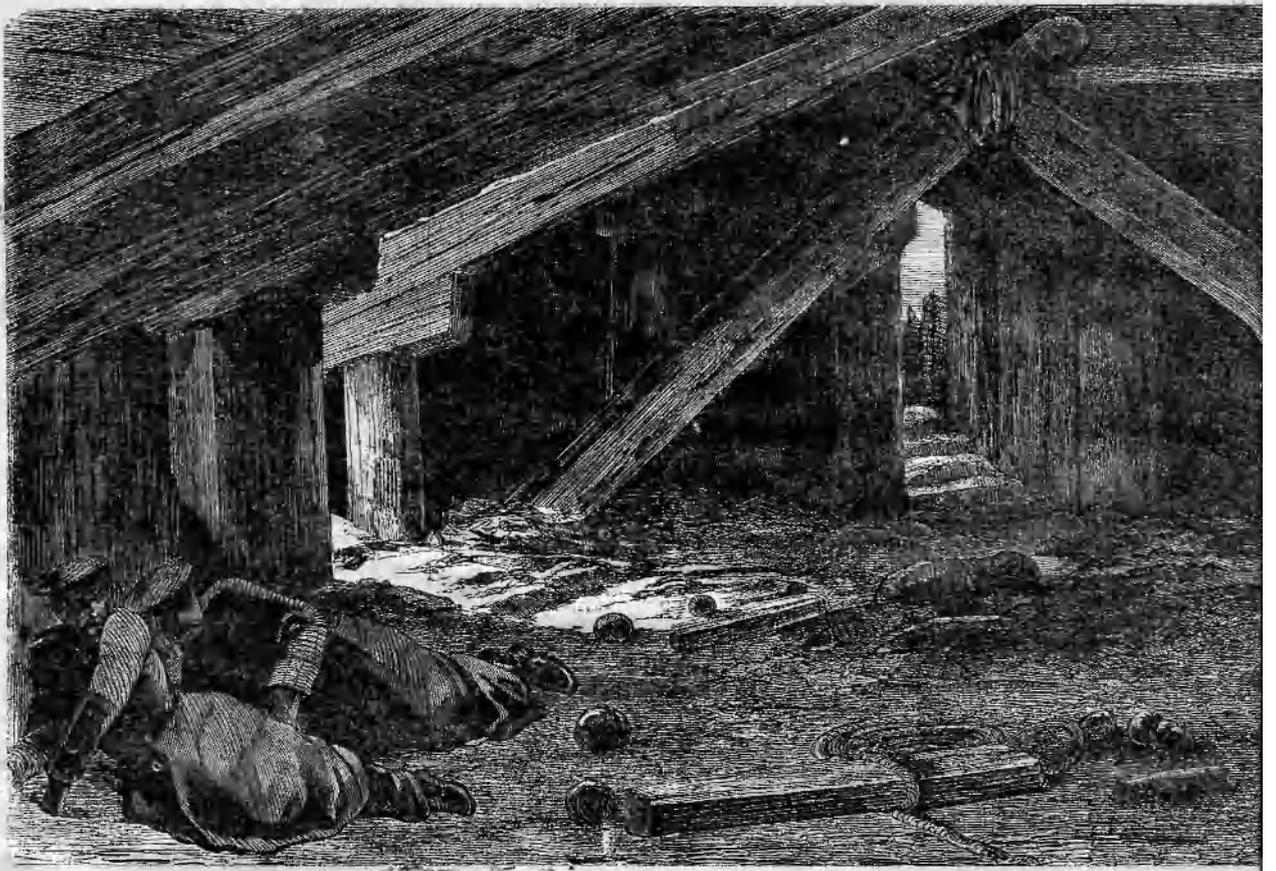
Я смотрѣлъ, какъ быка подводили,
Какъ огромный спустился ножъ,
И тяжелую тушу свалили
На носилки изъ грубыхъ рогожъ.
Знаю, дни будутъ снова короче,—
Я не буду ходить въ бреду...
Только крики сирень пророчатъ,
Можетъ быть, большую бѣду!

II.

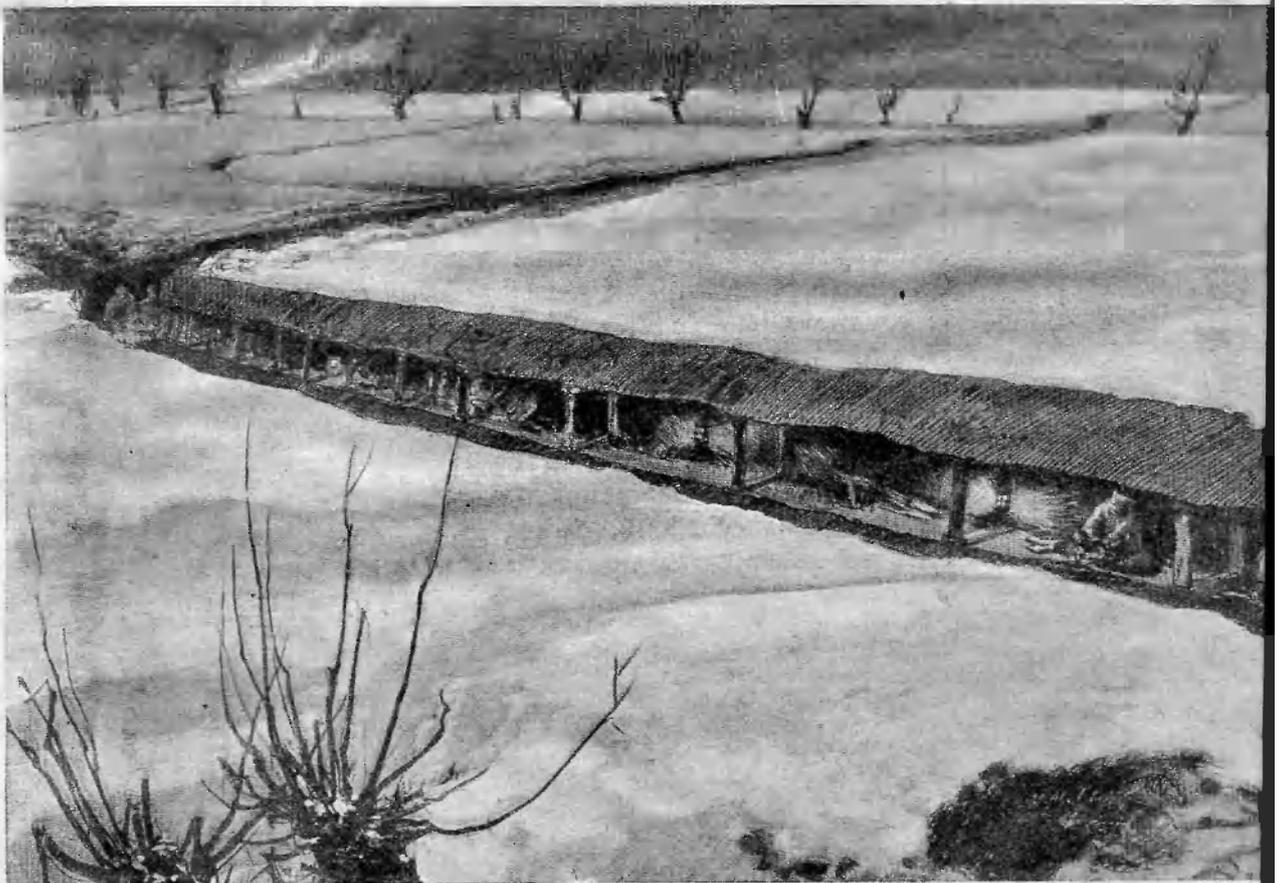
На тонкихъ стебляхъ желтые цвѣты,
Всю ночь горятъ надъ набережной сонной,
А къ утру, какъ разводятся мосты,
Слышны сирень пронзительные стоны.
И сердце мира—тихий алый кругъ—
За крѣпостью встаетъ надъ грязнымъ дыломъ,
И голуби шарахаются вдругъ,
Когда, усталый, прохожу я мимо.
Неудержимо катится Нева...
О, кто то затопилъ меня тоскою!
Петра я слышу вѣщія слова,
Онъ вдаль грозитъ протянутой рукою.

Николай Бруни.

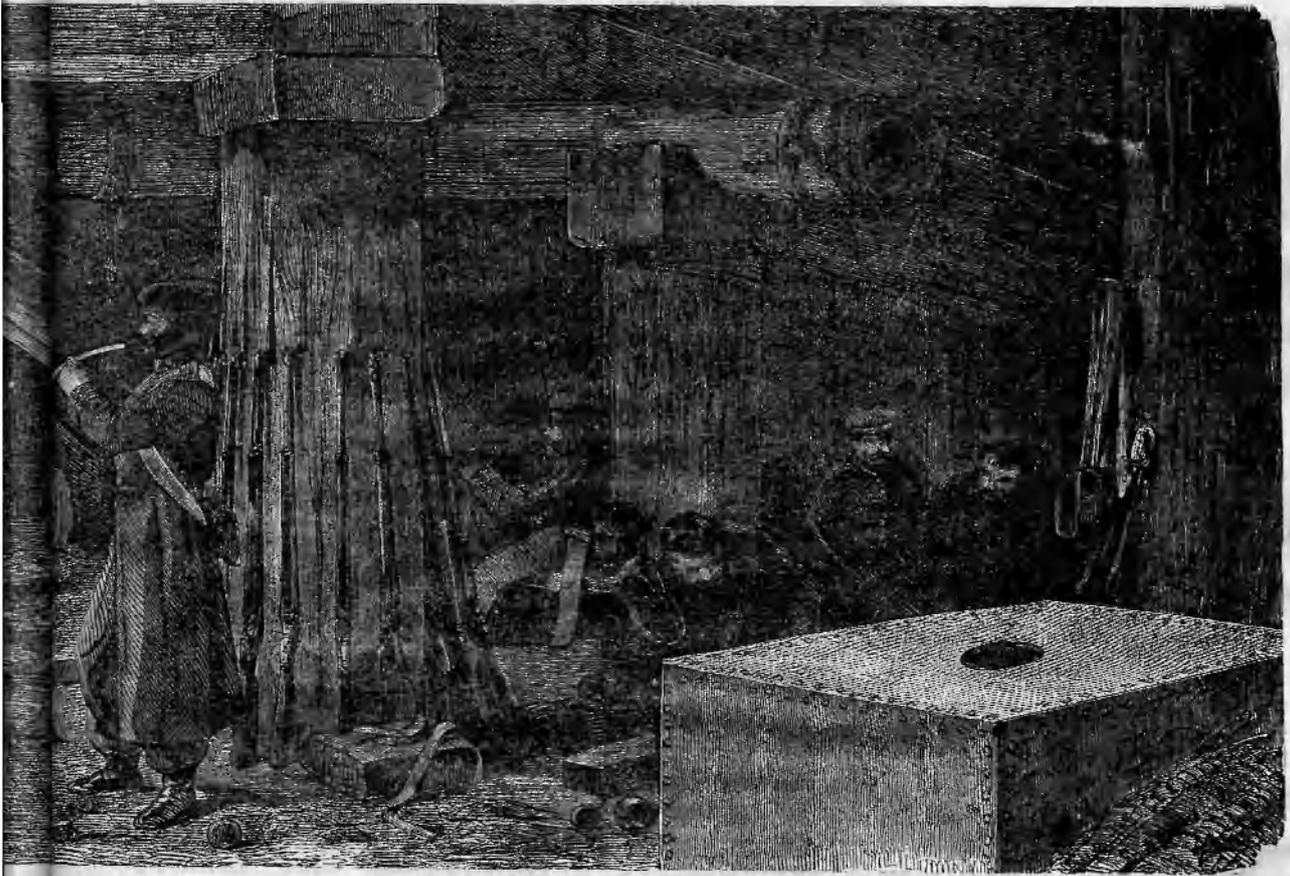

1856 и годъ. Казематъ русской батареи

1915-й годъ. Германская сапа перед

1907. (Съ французской современной гравюры.)

а. шепми. Метание ручных гранатъ.

АЛЕКСАНДРЪ ТИНЯКОВЪ.

КЪ „ЦЕРЕОЦЪНКЪ ЦЪННОСТЕЙ“ *),

Реликая по своимъ размѣрамъ война должна привести и къ великимъ внутреннимъ перемѣнамъ. Она властно требуетъ отъ насъ переоцѣнки,—если не всѣхъ, то большинства культурныхъ цѣнностей. И прежде всего она требуетъ пересмотра, упорядоченія и углубленія нашихъ отношеній къ западно-европейской цивилизаціи. Едва ли не первое вѣское слово по этому поводу сказалъ Ѳ. Сологубъ... Но въ его небольшой статьѣ „Выборъ ориентаціи“ („Отечество“, № 6) есть нѣсколько пунктовъ, съ которыми нельзя согласиться до конца. Онъ говоритъ: „Мы—не Западъ, и никогда Западомъ не будемъ. Мы—Востокъ религіозный и мистическій, Востокъ Христа, предтечами котораго были и Платонъ, и Будда, и Конфуціи“. Такое опредѣленіе врядъ ли вполнѣ точно. Конечно мы ближе къ Востоку, чѣмъ Европа, не только въ географическомъ отношеніи; но тѣмъ не менѣе мы и съ Западомъ связаны кровно, единствомъ расы, и потому западная культура и мудрость всегда будутъ намъ не менѣе близки, чѣмъ монгольская мудрость Конфуція. Среди индо-европейцевъ мы занимаемъ географически центральное положеніе, что отразилось и въ славянскомъ языкѣ, который „въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ примыкалъ къ особенностямъ аріискій группы, въ другихъ же—сближался съ тѣми индо-европейскими языками, на которыхъ говорили народы, занявшіе впоследствии Западную и Южную Европу“ (проф. А. Л. Погодинъ). Такое центральное положеніе и дѣлаетъ нашу міровую роль страшно ответственною и трудною; оно заставляетъ насъ быть посредниками между аріискими Востокомъ и Западомъ, во-первыхъ,—и между индо-европейцами и монголами, во-вторыхъ; при этомъ, мы должны, вслѣдствіе одаренности нашей и великаго нашего прошлаго, связывать Востокъ и Западъ не механически, а творчески, создавая своеобразный бытъ и оригинальную культуру. Величіе русскаго народа въ томъ и заключается, что онъ до сихъ поръ мужественно выполняетъ эту трудную и сложную миссію. Изъ пропасти монгольскаго ига русскій народъ вынесъ свою аріискую душу незапятнанною и не ослабѣвшею; наоборотъ, страданія только укрѣпили

и возвысили ее, что доказываетъ послѣдующая русская литература.

Но послѣ монгольскаго ига на русскія плечи упало новое, быть можетъ, болѣе опасное; именно: со временъ Петра I руководящіе классы русскаго общества слишкомъ рѣзко повернулись въ сторону Запада, и въ концѣ концовъ почти вся русская интеллигенція дошла до чрезвычайнаго преклоненія предъ достижениями и устремленіями европейцевъ. Между тѣмъ на Западѣ далеко не все было благополучно. „Мы образованы въ высшей степени искусствами и наукою, мы цивилизованы до излішка, мы подавлены всякаго рода пустыми утонченностями. Но намъ очень многого еще нехватаетъ, чтобы имѣть право смотрѣть на себя, какъ на существа нравственныя“, — писалъ Кантъ еще въ концѣ XVIII столѣтія.

Къ началу XX вѣка несоотвѣтствіе между достижениями матеріальной, интеллектуальной и духовной культуры и Западѣ стало угрожающимъ. Рядомъ съ гигантскимъ развитіемъ техники и всяческихъ прикладныхъ знаній шло въ Европѣ моральное одичаніе: происходящая въ наши дни война подтверждаетъ это самымъ страннымъ и краспорѣчнымъ образомъ.

Для того, кто задумывался надъ ходомъ западно-европейскаго развитія, современная война вовсе не явилась неожиданностью. Когда поднялся на воздухъ первый управляемый дирижабль, уже можно было сказать, что не только Реймскій соборъ, но и всѣ соборы Европы находятся въ опасности. Чему иному, кромѣ вражды и разрушенія, могли послужить летательные и всякіе иные аппараты, попавъ въ руки людей и государствъ, главной цѣлью которыхъ было матеріальное обогащеніе, да краткая (и потому жестокая) земная власть? Подъ тлетворнымъ дыханіемъ жадности, подъ злобѣющимъ дыханіемъ торопливости стала задыхаться европейская мудрость, стала угасать европейская красота. Безумно глянуло въ міръ изъ гениальныхъ книгъ Фр. Ницше, уродливые лики декадентства и футуризма зарѣяли надъ европейскими литературами, а возвышенная жизнерадостность Гёте превратилась въ пошлое самодовольство...

И вотъ у этой-то Европы, —технически-сильной, и

*) Печатаю интересную статью г-на Тинякова, Редакція предполагаетъ въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ коснуться этой темы съ другой точки зрѣнія. Ред.

Бельгійская артиллерія на позиціи.

овно-ослабѣвшей,—оказалось въ плѣну русское общество. Проша прельстила насъ блескомъ и видимой легкостью своей жизни, и очарованія эти не разсѣялись и до сего дня. Въ упомянутой выше статьѣ *Т. Сологубъ* пишетъ, что „только голландская техника намъ и нужна“, и хотя онъ говоритъ еще, что мы дадимъ ей „только служебное значеніе“, все намъ кажется, что здѣсь онъ неправъ. Неправъ потому, что еще далеко не рѣшенный вопросъ: полезно ли вообще дальнѣйшее техническое развитіе и слѣдуетъ ли намъ идти на тотъ опасный путь, который довела Европу и Африку до ихъ теперешняго состоянія.

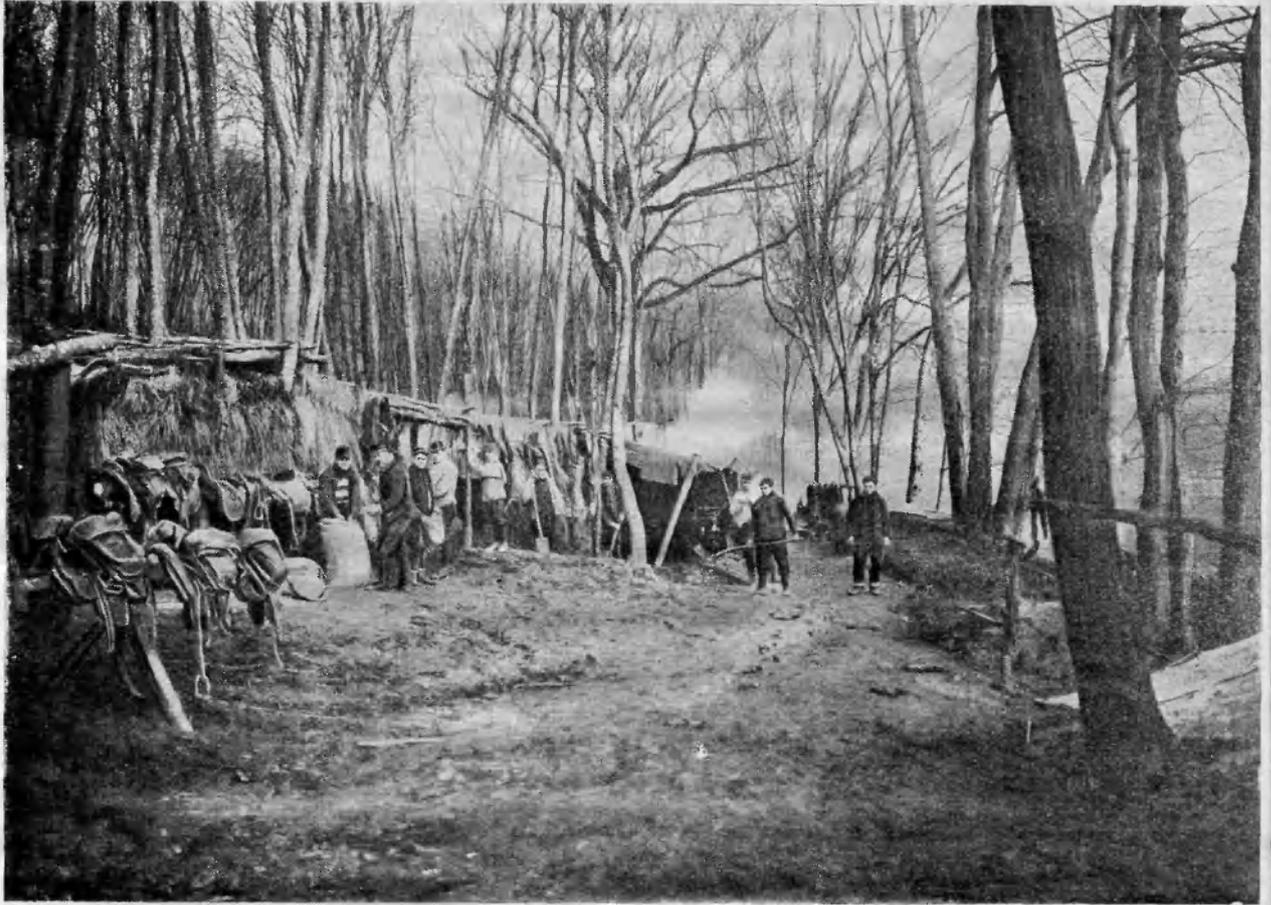
„Отъ цивилизаціи человѣкъ сталъ если не болѣе кровожаденъ, то ужъ навѣрно хуже, гаже кровожаденъ, чѣмъ прежде“,—сказалъ *Достоевскій*. Если подъ цивилизаціей понимать техническій и вообще внѣшній прогрессъ, то *Достоевскій* глубоко правъ. И явленіе это—не случайное.

Великіе мудрецы ариискаго и хамитическаго Востока (и египетъ) знали и знаютъ немало научныхъ истинъ, но они спѣшатъ сообщать ихъ всѣмъ безъ разбора, они не заботятся о томъ, чтобы всѣ были среднеобразованы и умѣли договаривать по телефону, ибо они знаютъ, что широкое распространеніе техническихъ прикладныхъ знаній, направленныхъ къ облегченію жизни, прилещетъ современнымъ людямъ не пользу, а вредъ. Это хорошо зналъ и нашъ *Толстой*, такъ пламенно и беспощадно осуждавшій новую цивилизацію и „ложную науку“. Человѣчество еще слишкомъ несовершенно, слишкомъ молодо внутренне и еще слишкомъ сильны въ немъ чисто-зоологическія начала. Если интеллектъ начнетъ развиваться, опережая его моральное развитіе, то онъ непременно подчинится внушеніямъ плоти началъ.

Техника же, устремляя все вниманіе людей на внѣшнее, матеріальныя достижения, и ведетъ людей въ дебри звѣрства. Технический прогрессъ заставляетъ человѣчскій организмъ видоизмѣняться быстро, чѣмъ этого требуютъ законы

природы, онъ заставляетъ людей сообразовать работу своего сознанія съ работой всяческихъ машинъ, и въ концѣ концовъ машина подчиняетъ себѣ человѣка физически и умственно. Она не можетъ подчинить его духовно, потому что сама бездушна, но она загораживаетъ человѣку путь вверхъ, задерживаетъ его въ низинахъ животнаго существованія, въ омутѣ плотскихъ вождельнѣй. Опьяненные внѣшними побѣдами надъ природой, люди перестаютъ думать о внутренней борьбѣ и побѣдахъ, и, благодаря этому, они преждевременно слабеютъ физически, развращаются умственно, мельчаютъ духовно.

Что въ самомъ дѣлѣ великаго принесла людямъ машинная цивилизація? *Бхагавадъ-Гита* и *Евангеліе*, „*Иліада*“ и „*Одиссея*“ были написаны, когда не было аэроплановъ и граммофоновъ, и съ тѣхъ поръ не было создано ни одной столь же великой книги. Слѣдовательно тысячелѣтія тому назадъ люди были выше и крупнѣе въ нравственномъ и эстетическомъ отношеніи, и не слѣдуетъ ли поставить ихъ измелечаніе въ прямую связь съ развитіемъ техники? Природа ограничила человѣка физически, создавъ машину, онъ искусственно расширилъ свой физическій міръ, но не нарушилъ ли онъ этимъ нѣкой тайной и грозной заповѣди природы? Быть можетъ, онъ оставилъ истинный путь развитія, предназначенный Высшею Волей, уцѣпившись за легкія достижения? *Кантъ* прожилъ 80 лѣтъ и ни разу не отбѣзжалъ отъ родного *Кенигсберга* далѣе, чѣмъ за семь верстъ; это не помѣшало ему однако объять умственно не только всю земную природу, но и всѣ солнечныя міры; индусскіе мудрецы не пользуются телефономъ, но это не мѣшаетъ имъ общаться другъ съ другомъ всегда, когда имъ это нужно, ибо они умѣютъ побѣждать разстояніе напряженіемъ своей воли. Не является ли путь *Канта* и индусскихъ мудрецовъ путемъ истиннымъ, путемъ, съ котораго европейское человечество свернуло, соблазненное *Дьяволомъ*? И вотъ—въ результатѣ у насъ прекрасныя телефоны, но дряблая п

Стоянка французских артиллеристов.

злая воля; великолѣпныя ротационныя машины, но пустяковыя сочиненія; отличныя пути сообщения, но мелкія и низкія дѣлашки, ради которыхъ не стоитъ торопиться... Изъ всего этого слѣдуетъ, что намъ не нужно больше заботиться о новыхъ изобрѣтеніяхъ, не нужно заимствовать у Европы машинъ и меркантильныхъ идеекъ. Будемъ жить общно и просто, станемъ жить негорошдиво и радостно! Мы не должны порывать связей съ западнымъ искусствомъ и философій, но нашъ бытъ и религія должны сохранить черты аріискаго Востока.

На Западѣ стремятся поработить себѣ природу,—мы должны стремиться къ творческому, но мирному сотрудничеству съ природою.

Активность Запада и миролюбіе Востока должны мы соединить въ себѣ, и плодомъ этого соединенія должна стать наша будущая культура.

Неправъ Сологубъ, говоря, что „только европейская техника намъ и нужна“. Нѣтъ! мы еще должны долго и много работать, чтобы воспринять и воспитать въ себѣ европейское, германское упорство, нѣмецкую волю; но съ по-

мощью этой воли мы должны развивать не технику, не фабрики и заводы, не пути сообщения, а наше нравственное „я“. „Пусть побывавшая въ европейской школѣ Марѳа почтетъ и заботится о всемъ внѣшнемъ,—хозяйкою нашего великаго русскаго дома останется все же мечтательная молчливая Марія, сидящая у ногъ Христовыхъ“,—писалъ Сологубъ.

Но если такъ, то хозяйкѣ нашего дома не нужны граммофоны и заботы о чемъ либо подобномъ, ибо Марія не забудетъ словъ Учителя, сказанныхъ ей въ старости: „Марѳа! Марѳа! ты заботишься и суетишься о многомъ, а одно только нужно“. Здѣсь не можетъ быть колебаній совѣщеній: Христосъ и Эдиссонъ плутъ въ разные стороны, и если намъ душа Маріи дѣйствительно ближе души Марѳы, то мы пойдемъ за Христомъ, не слушая того, что будетъ кричать Эдиссонъ въ усовершенствованную телефонную трубку. И не только сами пойдемъ, но и нашихъ западныхъ братьевъ попытаемся увлечь на нашъ путь!

Александръ Тиняковъ.

Бъженцы изъ Царства Польскаго.

Помпонефи на дорогѣ къ переправѣ

ВЛ. КОХАНОВСКІЙ. ВЪ ЛѢСУ.

I.

Она пришла въ его охотничью избушку во время грозы, она мокрая, испуганная, дрожащая.

Онъ обрадовался ей.

Какъ могъ, успокоилъ ее, напоилъ чаемъ, обсушилъ у огня.

Она сначала какъ будто смущалась, но потомъ перестала смущаться и начала разговаривать легко и свободно.

Она гоститъ здѣсь недалеко, въ усадьбѣ. Былъ ясный вечеръ, и она пошла собирать въ лѣсъ ягоды. Она собрала почти уже полную корзину и хотѣла идти домой, какъ вдругъ поднялась буря, наплы грозовыя тучи, сдѣлалось темно, и она потеряла дорогу.

Долго бродила въ темнотѣ, натываясь на деревья, пытаясь въ мокрой высокой травѣ, дрожа отъ сырости и грозовыхъ ударовъ. Потомъ наконецъ набрела на его избушку.

Онъ слушалъ ея молодой голосъ, смотрѣлъ на ея раскраснѣвшее юное лицо, и ему казалось, что его мечта стала дѣйствительностью. И онъ чувствовалъ, что уже любитъ ее, незнакомую и неизвѣстную, но долгожданную и прекрасную. Ему хотѣлось, чтобы она подольше не уходила отъ него, чтобы подольше онъ могъ переживать очарованіе вышедшей наяву мечты.

Но стихла гроза. Все дальше и дальше за лѣсъ увосился съ тучи; все ярче и ярче свѣтила луна, все спокойнѣе и покойнѣе становилось кругомъ.

И молодая женщина собралась уходить. Протянула ему лѣвую руку и сказала:

— Прощайте, пора домой.

— Побудьте еще со мною, — прошепталъ онъ. — Въ вашей душѣ давно здѣсь, въ лѣсу, тосковала по васъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, — сказала она съ улыбкой, — пора.

Тогда онъ пошелъ провожать ее. Разставаясь съ нею, послалъ ее придти еще къ нему въ избушку.

II.

Онъ еще больше полюбилъ лѣсъ.

Полюбилъ потому, что здѣсь сбылась его мечта и къ нему пришла женщина, по которой давно уже тосковало его молодое сердце. И все теперь въ лѣсу напоминало ему о ней.

Часто, возвращаясь поздно вечеромъ съ охоты, онъ напряженными глазами смотрѣлъ между стволами, и ему казалось, что вотъ-вотъ, при лунномъ сіяніи, онъ увидитъ ее.

А когда поднималась гроза, шумѣли деревья, крупныя капли дождя ударили о черепицы крышъ, — онъ подходилъ къ маленькому окошечку и шепталъ: „Ну, приходи же, приходи, приходи!“ И ему казалось, что вотъ-вотъ раздается за дверьми торопливый топотъ каблучковъ, несмѣлый стукъ въ дверь, и войдетъ она.

И онъ снова будетъ успокаивать ее, обсушивать у плиты, поить чаемъ. Потомъ, когда стихнетъ гроза и лунные блики лягутъ на мокрую, смятую траву, пойдетъ провожать ее.

Но она не приходила.

Тогда постепенно тоска и раздраженіе начали охватывать его душу.

III.

Пожелтѣлъ лѣсъ. Осыпались листья, поблекла трава.

Свѣтъ стали вечера, холоднѣе — ночи. Грозы смѣнились осенними дождями, бури — завываніемъ вѣтра.

Надо было переѣзжать въ городъ.

За день до отъѣзда онъ долго бродилъ по лѣсу. Умиралъ лѣсъ. Порѣдѣли листья, открытой и ясной стала даль. Не пѣли больше птицы, не жужжали пчелы. Паутина протянулась между деревьями, сухіе желтые листья шуршали подъ ногами. Умиралъ лѣсъ. Значитъ, не придетъ къ нему уже любимая, значитъ, не воплотятся больше въ дѣйствительность его мечты.

Но вдругъ увидѣлъ между деревьями женскія свлѣзты.

„Неужели она, неужели она?“ — пронеслось у него въ

головѣ, и сердце застучало быстрыми и порывистыми ударами. Торопливо подошелъ къ женщинѣ и внимательными глазами посмотрѣлъ на нее, и ему показалось, что она похожа на ту, которая приходила къ нему въ его охотничью избушку. Такая же юная, стройная.

Тихо и ласково окликнулъ ее. Она перестала собирать грибы и посмотрѣла на него слегка испуганными и недоумѣвающими глазами.

— Вы развѣ не узнаете меня?—тихо спросилъ онъ.

Она ничего не отвѣтила ему, взяла съ земли наполненную грибами корзину и пошла изъ лѣса. Онъ пошелъ за ней. Смотрѣлъ на двѣ косы, спускавшіяся по ея покатымъ плечамъ, и думалъ:

„Да, это—она, да, это—она“...

Тихій вѣтеръ прошелся по полубосышавшимся листьямъ и повѣялъ запахомъ увядающихъ цвѣтовъ и зелени. Застучалъ гдѣ-то дятель. Серебристая паутина зацѣпилась за лицо.

— Отчего же вы уходите отъ меня?—спросилъ онъ.

— Я васъ не знаю,—сказала женщина.

— Помните грозу, которая застала васъ въ лѣсу,—проговорилъ онъ.—Вспомните, какъ вы, испуганная и трепещущая, приближали ко мнѣ... Вспомните потомъ, какъ провожалъ я васъ, какъ свѣтила луна и какъ серебристыя росинки блестѣли кругомъ.

— Я васъ не знаю,—повторила женщина, ускоряя шаги.

Они вышли изъ лѣса. Молодая женщина почти бѣгомъ спустилась съ пригорка и быстро пошла по направленію дачнаго поселка... Онъ же остановился на пригоркѣ и долго тоскливыми глазами смотрѣлъ ей вслѣдъ.

IV.

Онъ переѣхалъ въ городъ. Въмѣсто простора, шума лѣса, запаха влажной земли, вокругъ него возвышались каменные громады, грохотали домовики и трамваи, шумѣла толпа.

Далекими и чуждыми казались ему здѣсь женщины. И не хотѣлось думать о нихъ, хотѣлось вспоминать ту, прекрасную и невѣдомую, которая пришла къ нему, въ грозную лѣтнюю ночь. Хотѣлось вспоминать, какъ провожалъ онъ ее изъ лѣса, какъ лунные блики ложились на мокрую траву, какъ тихо и величественно-неподвижно стояли вокругъ зеленые великаны.

Однажды, иля по шумной, залитой яркимъ электрическимъ свѣтомъ улицѣ, онъ услышалъ, какъ кто-то окликнулъ его.

Онъ обернулся. Предъ нимъ стояла молодая женщина и съ улыбкой смотрѣла на него.

— Вы не узнаете меня?—спросила она.

— Нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.

Тогда она сказала:

— А помните грозу въ лѣсу и охотничью сторожку?

Что-то дрогнуло у него въ сердцѣ, и торопливыми и напряженными взглядомъ онъ оглядѣлъ ея слегка напудренное лицо, ея огромную шляпу съ большой черной птицей, ея модную одежду, скрывавшую очертанія ея тѣла.

Онъ тихо сказалъ ей:

— Я помню все это, но только тогда не вы приходили ко мнѣ въ лѣсу...

Она разсмѣялась.

— Вотъ это мило! Откуда я тогда знаю васъ?

— Вы меня встрѣчали вѣроятно гдѣнибудь въ городѣ...

— Но откуда же я знаю, что у васъ въ лѣсу есть охотничья избушка?

Онъ молчалъ.

Тогда она сказала ему, что здѣсь, въ городѣ, онъ сталъ очень нелюбезнымъ; она думала, что онъ съ большою радостью встрѣтитъ ее. Вѣдь она хотѣла тогда исполнить ея просьбу и придти къ нему, въ охотничью избушку, въ обстоятельства сложились такъ, что ей пришлось на другой же день уѣхать въ городъ.

— Вѣдь я не свободна, какъ вы,—сказала съ улыбкой она.—У меня много заботъ. У меня есть мужъ, есть семья...

Онъ слушалъ ее, смотрѣлъ на ея лицо, на ея большую птицу на шляпѣ, на ея широкое, скрывающее фигуру пальто и думалъ:

„Нѣтъ, это—не она. Быть можетъ, та лѣсная гостья моя рассказала ей о своемъ посѣщеніи моей охотничьей избушки въ грозу, и эта теперь обманываетъ меня“.

Онъ скоро простился съ ней...

V.

Прошла зима. Повѣяло тепломъ. Сталли набухать на деревьяхъ почки.

Онъ снова уѣхалъ въ свою охотничью избушку.

Ласково встрѣтилъ его любимый лѣсъ. Свѣжестью повѣялъ онъ ему въ лицо, прохладой охватилъ его тѣло.

Кусты сирени и жасмина привѣтливо закивали ему.

И часто теперь, стоя на крыльцѣ своей лѣсной избушки онъ тихо шепталъ: „Ну, приходи же, приходи!“—съ надеждой смотрѣлъ предъ собой...

И вотъ однажды, во время грозы, онъ вдругъ услышалъ робкій стукъ въ дверь.

Онъ порывисто бросился къ ней и отворилъ ее.

Въ комнату вошла стройная молодая женщина... Онъ посмотрѣлъ на ея лицо.

Оно показалось ему лицомъ другой женщины, но такое прекраснымъ и давно желаннымъ.

Она, глядя на него слегка смущенными, ласковыми глазами, сказала, что зашла въ его избушку переждать грозу. Онъ слушалъ ея слегка смущенный голосъ и чувствовалъ, какъ радость охватываетъ его душу. Опять сбылось его желание, опять сбылась его мечта... Это—не та женщина, развѣ она не такъ же прекрасна? Развѣ не такъ же прекрасна молодая женщина, когда кругомъ шумитъ лѣсъ, когда кругомъ все цвѣтетъ, благоухаетъ, когда душа полна жаждою любви? И онъ съ любовью и благодарностью смотрѣлъ на нее и сталъ говорить, что давно ждалъ ее и теперь безконечно счастливъ, что она наконецъ пришла къ нему.

Стихала постепенно гроза, и скоро на очистившемся отъ тучъ небѣ заблестѣла луна и свѣтлые блики легли на мокрую серебристую траву.

Вл. Кохановскій

Г. П.

САРЫКАМЫШКО-АРДАГАНСКАЯ АВАНТЮРА.

По плану германскаго генеральнаго штаба турки въ декабрѣ 1914 г. должны были предпринять наступленіе на наше Закавказье, захватить Карсъ и, базирясь на эту старую турецкую крѣпость, угрожать Тифлису и линіи Закавказской желѣзной дороги.

Для первоначальныхъ дѣйствій на кавказскомъ фронтѣ были намѣчены турецкія полевая войска, входившія еще въ мирное время въ составъ 3-й армейской инспекціи, расположенной въ районѣ, пограничномъ съ Закавказьемъ. Въ составъ инспекціи входили IX, X и XI армейскіе корпуса. Эти турецкія силы составили третью армію, которая еще до войны была усилена 37-й багдадской дивизіей изъ состава XIII армейскаго корпуса. Предъ самой сарыкамышко-ардаганской операціей туркамъ удалось доставить на театр военныхъ дѣйствій еще 3-ью дивизію изъ состава 1-го константинопольскаго армейскаго корпуса. Кромѣ этихъ регулярныхъ войскъ, въ составъ сформированной такимъ образомъ 3-й турецкой арміи, во главѣ которой былъ поставленъ Гассанъ-Изетъ-паша, должно было войти около 25 полковъ курдской конницы и нѣкоторое количество второлінейной пѣхоты.

Къ концу ноября мѣсяца главная масса войскъ 3-й турецкой арміи была сосредоточена въ районѣ Эрзерума, причемъ два корпуса, именно IX и X, были выдвинуты нѣсколько къ сѣверо-востоку отъ крѣпости, а XI корпусъ находился въ резервѣ у с. Гасанъ-Када, къ востоку отъ Эрзерума. Въ это время на армянскій театр военныхъ дѣйствій прибылъ въ сопровожденіи нѣмецкихъ офицеровъ-инструкторовъ самъ Энверъ-паша, рѣшившій нанести нашей кавказской арміи жестокой молниеносный ударъ, въ самомъ для нея, по его мнѣнію, опасномъ направленіи.

Стратегическій планъ Энверъ-паши состоялъ въ слѣдующемъ: IX и X корпуса должны были перейти на ольтинское направленіе и составить наступающую флангъ, а XI корпусу приказано было оставаться на своихъ сильно укрѣпленныхъ позиціяхъ и путемъ демонстраціи отвлечь на себя вниманіе нашихъ войскъ. Въ случаѣ же нашего перехода въ рѣшительное наступленіе этотъ корпусъ долженъ былъ отходить къ Эрзеруму, увлекая за собой наши войска (см. схему).

Выполняя этотъ планъ, X армейскій корпусъ долженъ былъ, переваливъ черезъ Сѣверный Армянскій Тавръ, наступать двумя колоннами: двумя дивизіями спуститься къ мѣстечку Ольты по Севри-чаю и двигаться далѣе, на Ардаганъ, а одной дивизіей—по Ольтычайскому ущелью—наступать для дѣйствій затѣмъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, на Сарыкамышъ. Въ промежуткѣ между X и XI корпусами приказано было наступать IX армейскому корпусу, для ближняго обхода сарыкамышко-саганлукскихъ позиціи.

Для обезпеченія стратегическаго лѣваго фланга III арміи и для его удлиненія къ декабрю мѣсяцу были сосредоточены въ Батумской области, въ районѣ средняго теченія Йорохъ-су, вблизи Яланусчамскаго перевала, войска 3-ей константинопольской дивизіи съ башибузуками и присоединившимися къ нимъ возставшими мѣстными жителями, ад-

жарцами. Эти турецкія силы должны были наступать на Ардаганъ со стороны Пантурецкаго и Яланусчамскаго переваловъ.

Для обезпеченія же праваго стратегическаго фланга и для операціи въ Алашкертской, Діадикской и Баязетской долинахъ, а также въ районѣ персидской границы были оставлены 37-я дивизія XIII корпуса и второлінейныя войска съ частью курдской конницы.

Турецкимъ войскамъ для выполнения предназначеннаго плана нужно было вести наступленіе по сильно пересѣченной, гористой мѣстности, почти лишенной дорогъ, черезъ перевалы, достигающіе 7.000 футъ надъ уровнемъ моря, при 30° мороза и сильныхъ снѣжныхъ метеляхъ. Помимо указанныхъ неудобствъ, районъ этотъ мало населенъ и не въ состояніи мѣстными средствами продовольствовать войска; везти же съ собой большіе продовольственные обозы ввиду отсутствія удобныхъ дорогъ не представлялось никакой возможности. Турки, рассчитывая на молниеносность своего наступленія, рѣшили взять съ собой крайне ограниченное количество продовольствія, имѣя лишь въ обозѣ боевые припасы. Такая операція представляла собой весьма рискованную авантюру. На эту авантюру толкнулъ Энверъ-пашу германскій генеральный штабъ, которому безразличенъ былъ исходъ этого предпріятія, ему важно было лишь только отвлечь наше вниманіе отъ того главнаго фронта, гдѣ въ это время готовлялись развернувшіяся въ январѣ мѣсяцѣ карпатскія операціи.

Турки рассчитывали на сочувствіе и широкую помощь со стороны мѣстнаго мусульманскаго населенія и не ожидали встрѣтить со стороны нашихъ войскъ упорное сопротивленіе. Германцы увѣрили ихъ, что всѣ русскія войска въ настоящее время находятся на западномъ фронтѣ, а на Кавказѣ остались незначительныя части кавказскаго корпуса, усиленныя нѣсколькими ополченскими дружинами, которыя не въ состояніи выдержать турецкій натискъ. Однако всѣ увѣренія германцевъ оказались ложными, и подъ Сарыкамышемъ 21-го

декабря наши войска, послѣ 10-тидневнаго жаркаго боя, нанесли полное поражение туркамъ. IX турецкій корпусъ былъ уничтоженъ, командиръ этого корпуса, Исханъ-паша, со своимъ штабомъ былъ взятъ въ плѣнъ. Точно такъ же были взяты въ плѣнъ начальники штаба IX и X корпуса, начальники: 17-й, 18-й и 29-й дивизии и нѣсколько десятковъ штабъ-офицеровъ. Всѣ эти офицеры состояли членами комитета „Единение и Прогрессъ“.

Въ этотъ же день, 21-го декабря, нашими войсками были разбиты и разсѣяны части 3-й пѣхотной дивизии подъ Ардаганомъ, причемъ захвачено знамя 8-го турецкаго полка. Такимъ образомъ турки одновременно потерпѣли поражение подъ Сарыкамышемъ и у Ардагана. Остатки войскъ X корпуса, преслѣдуемые нашими войсками, поспѣшно отступили изъ - подъ Сарыкамыша въ сторону Караургана, куда къ этому времени были подтянуты части XI корпуса, получившаго приказаніе своимъ наступленіемъ облегчить положение отступавшихъ частей X корпуса.

Итакъ, рушился задуманный германскимъ генеральнымъ штабомъ и выполненннй самимъ Энверомъ-пашой стратегическій планъ наступленія турокъ на наше Закавказье. Видя полную неудачу, Энверъ-паша, лично руководившій операціями третьей армии, покинулъ ее и вернулся въ Константинополь. XI же корпусъ вступилъ съ нашими войсками подъ Караурганомъ въ бой, сложившійся весьма неблагоприятно для турокъ, и они снова потерпѣли поражение. На фронтѣ Караурганъ—Олыты нашими войсками были взяты въ плѣнъ полностью 92-й пѣхотный полкъ, а также батальонъ 53-го пѣхотнаго полка и уничтоженъ батальонъ 52-го полка.

Наши войска, нанеся туркамъ поражение подъ Караурганомъ, начали тѣснить ихъ съ фронта и съ фланга, причемъ натискъ нашъ былъ настолько энергиченъ, что турки отсту-

пая сбрасывали свои орудія съ горъ, не будучи въ состоянни увезти ихъ, или закапывали въ снѣгъ. Въ то время, когда караурганское сраженіе уже закончилось и турки стремительно отступили къ Эрзеруму, на ольтинскомъ направленнн турки еще продолжали оказывать упорное сопротивление, но мужество нашихъ войскъ сломило и это сопротивление, и они вытѣснили турокъ на ольтинскомъ направленнн изъ нашихъ предѣловъ. Турецкіе аррьергарды, прикрывавшіе отступление разгромленной III армии, пробовали 6-го января задержать нашъ натискъ на встрѣчныхъ позиціяхъ у селенн Ахаликъ, Лавсора и Кеганы, но и здѣсь, понеся большія потери, обратились въ поспѣшное бѣгство.

Въ Зачорохскомъ краѣ точно такъ же наши войска успѣшно вытѣснили турокъ, укрывавшихся здѣсь въ горныхъ ущельяхъ, и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ для турокъ боевъ, отбросили ихъ къ Черному морю, гдѣ турки укрѣпились на позиціи у горы Султанъ-Селимъ и у селенн Гидревата, близъ русско-турецкой границы. Здѣсь наши войска атаковали турокъ и заняли эти послѣдніе турецкіе оплоты на нашей территорнн, отбросивъ турокъ за предѣлы Ватумской области.

Во время всѣхъ этихъ операціи нашъ черноморскій флотъ зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы турки не снабжали моремъ изъ Константинополя свою третью армию продовольственными и боевыми припасами. Онъ обстрѣливалъ турецкіе порты, расположенные на берегу Лазистана, и тонилъ турецкіе баржи и фелюги, перевозившія въ порты Хопу, Ризу и Трапезундъ войска и припасы, вслѣдствіе чего турецкія войска оказались лишенными всякаго общенн со своей главной базой, Константинополемъ.

Такъ печально окончилась вса сарыкамышско-ардаганская авантюра, задуманная германцами исключительно въ своихъ выгодахъ...

Г. П.

Германскіе пѣхотные съ потопленнаго „Блюхера“.

ВѢСТИ И МНѢНІЯ.

Е. М. Грановская.

Грановская стоитъ въ сторонѣ отъ всѣхъ теченій и направлений современнаго театра. Она не знаетъ режиссера, она не причислена ни къ какой сценической школѣ. Это—свободная актриса, сама себя создавшая и идущая своей одинокой дорогой. Любители классификацій пытаются причислить ее къ „французской“ школѣ, но это объясняется техническимъ совершенствомъ ея игры и комедійнымъ ея репертуаромъ. Сценическая техника и комедійный тонъ до сихъ поръ считаются привилегіей французскихъ артистовъ. На самомъ дѣлѣ Грановская совершенно чужда французской школѣ, чужда ея стилю, рѣзкому и всегда немного взвинченному. Она не мелькаетъ въ глазахъ, не суетится въ нервической веселости, поэтому ея веселье и наивность на сценѣ носятъ особый особый стѣнокъ душевной мягкости и искренней простоты.

Любовь зрителей всѣхъ направлений къ Грановской, быть можетъ, объясняется ея особымъ даромъ давать душевный отдыхъ. Бываютъ люди съ такой ласковой, музыкальной рѣчью, съ такой плѣнительной, сердечной мягкостью, что нѣсколько часовъ бесѣды съ ними возвращаютъ мнр душѣ и даютъ отрадную тишину нервамъ. Такова въ искусствѣ Грановская. Въ ней есть тишина, умиротворяющая мягкость, женственная ласка. Въ этомъ—настоящее русское свойство ея таланта. Грановская воплощаетъ собою на сценѣ понятіе женственности, женственности чисто-русской, не вертлявой и задорной, а умной, мягкой, слегка насмѣшливой и отрадно задушевной.

Ея техника настолько совершенна, что ея не замѣчаешь.

Все кажется такъ легко и просто, какъ будто внезапно создано па сценѣ.

Въ большинствѣ своихъ ролей Грановская изображаетъ торжествующую женщину. Тема многихъ комедій—вѣчная исторія Золушки, превращающейся въ принцессу.

Грановская всегда побѣждаетъ и, несмотря на неожиданность ея превращеній, невольно вѣришь въ ея счастливую судьбу, вѣришь въ ея женскую силу, которая должна побѣдить жизнь.

Наивныя Золушки перваго акта, въ обтрепанныхъ платьяхъ, съ большими взволнованными глазами, съ подоткрытымъ, недоумѣвающимъ ротикомъ и робкими движеніями, вызываютъ тихое, умиленное сочувствіе. Въ пошлой сатирѣ Острожскаго „Избранное общество“ Грановская даетъ такое искреннее изумленіе чистой дѣвушки предъ ложью и низостью своего возлюбленнаго и его корыстной семьи, она такъ поражена открывающейся предъ ней картиною дѣйствительности, что зритель забываетъ неуклюжія „обличительныя“ слова автора и слышитъ только гнѣвную боль птонаціи, видитъ горящіе мезтью прекрасные глаза и съ трепетомъ слѣдитъ за внезапнымъ перерожденіемъ жалкой, зацуганной бонны въ гордую женщину, полную сознанія своихъ правъ и своей духовной силы. Въ угодливой гувернанткѣ втораго акта подъ вкрадливой ровностью рѣчи и безшумной мягкостью движеній чувствуется сладострастная жажда побѣды и ядовитая мечта о мести. И послѣдняя сцена, когда побѣдвшая женщина, какъ бы играя, съ подчеркнутой ласковостью издѣвается надъ прежнимъ своимъ оскорбителемъ, который ищетъ покровительства у ея чиновнаго мужа,—эта

Бельгійка угощаетъ тюркоса.

сцена, грубая по пьесѣ, приобретаетъ въ исполненіи Грановской волнующую прелесть. Ничтожный замыселъ автора превращенъ артисткой въ сценическую красоту.

Обреченная непослужными театральными судьбами на исполненіе пошлыхъ и почти всегда однообразныхъ ролей, Грановская проявляетъ неисчерпаемое богатство творческаго замысла и большую стойкость вкуса. Вопреки стараніямъ либреттистовъ, она всегда остается умной, обаятельной и разнообразной, создавая изъ каждаго ничтожнаго клише новую живую фигуру. Радость наслажденія ея творчествомъ смѣшивается у зрителя съ горестнымъ недоумѣніемъ по поводу тѣхъ ненужныхъ задачъ, которая беретъ на себя одна изъ лучшихъ артистокъ современнаго театра. Но въ этомъ году Грановская наконецъ исполняетъ роль настоящаго художественнаго значенія. „Гвоздемъ“ сезона въ театрѣ Сабурова, душу котораго составляетъ Грановская, явился „Пигмалионъ“ Бернарда Шоу.

„Филологическая“ пьеса Бернарда Шоу—новый вариантъ на тему о Золушкѣ. Грязная, гнусавая дѣвченка-цвѣточница, подобранная профессоромъ на мостовой ради филологическаго опыта, приобретаетъ вмѣстѣ съ даромъ правильной рѣчи даръ формы—возможность выраженія своей души, своего чувства. Нелѣпыя выкрики: „Я—честная дѣвушка, а не какаянибудь!“—вырастаютъ въ горло сознаніе своего достоинства. Профессоръ, смотрѣвшій на человѣческую душу съ фонетиче-

ской точки зрѣнія, неожиданно узнаетъ, что, кромѣ виѣшней благовоспитанности, существуетъ внутренняя душевная благовоспитанность, запрещающая относиться къ живой душѣ, какъ къ лабораторному кролику.

Разсѣянный профессоръ, умѣющій по выговору опредѣлять происхождение человѣка „съ точностью до двухъ миль“, но не умѣющій различать человѣческія души и человѣческія чувства, его наперсникъ-приятель, образецъ благовоспитаннаго эгоизма, оригинальничаящая свѣтская дѣвица, „идеальный“ юноша и всѣ, вплоть до заботливой экономки, которая учить профессора порядку, напоминая ему, какъ онъ „подавился рыбной костью, которую самъ же положилъ въ банку съ на-ревьемъ“,— всѣ эти типы сознательно взяты Шоу изъ обихода английскихъ „благополучныхъ“ комедій, чтобы еще рѣзче подчеркнуть парадоксальность замысла и формы. Пьеса, построенная на фонетическихъ особенностяхъ рѣчи различныхъ лондонскихъ кварталовъ, потеряла конечно свою остроту въ русскомъ переводѣ. Неприличное английское ругательство, которое составляетъ *сoup d'état* третьего акта, это „слово Бернарда Шоу“, которое раньше никогда не произносилось на сценѣ и создало пѣсѣ успѣхъ скандала, не могло быть переведено на русский языкъ.

Грановской приходилось преодолевать невѣроятныя техническія трудности, чтобы безъ помощи текста все же передать „филологическое“ преображеніе дѣвочки, которую профессоръ на сценѣ въ полгода превращаетъ въ блестящую свѣтскую барышню, обучивъ правильной английской рѣчи. Но Грановскую всегда влекутъ трудности. вмѣсто вульгарнаго акцента предѣстій, на которомъ говоритъ дѣвочка въ первыхъ актахъ, артисткѣ пришлось прибѣгнуть къ гнѣзавой, неразборчивой дикции, и однообразіе этой задачи подчасъ утомляетъ зрителя. Несмотря на это, въ первыхъ актахъ есть нѣсколько удивительныхъ моментовъ.

Торжество сценическаго таланта Грановской въ послѣднемъ актѣ, когда, преодолевъ всѣ техническія трудности, перепрыгнувъ чрезъ всѣ сценическія трамплины, которые авторъ уготовляетъ героинѣ, она можетъ отдаться непосредственному творчеству. Любовь, пробужденное сознание своего человѣческаго достоинства и своей женской силы, быстрые переходы настроеній даютъ моменты удивительной красоты. Послѣдняя сцена Пигмалиона можетъ служить лучшей характеристикой творчества Грановской.

Театралы, по привычкѣ считающіе комедию ниже драмы, мечтали о переводѣ Грановской на драматическія роли. Грановская показала большой тактъ, не поддаваясь соблазнамъ драматической карьеры въ обычномъ театрѣ и сохранивъ свой престолъ комедійной артистки. Ея драматическія возможности придаютъ силу и благородство ея комедійно-игрѣ. Можно только пожелать ей, чтобы жалкія созданія присяжныхъ либреттистовъ не засорили ея артистическаго пути и чтобы творчество ея находило достойныя подлиннаго вдохновения созданія настоящихъ авторовъ.

Ю. Слонимская.

ХРОНИКА.

Общество германо австрійскихъ писателей обратилось ко всѣмъ нѣмецкимъ писателямъ съ воззваніемъ присылать пьесы, посвященныя прославленію событій нашего времени,—въ нѣмецкомъ патриотическомъ духѣ, разумѣется. Въ жюри избраны всѣ члены жюри, присуждающаго нижне-австрійскую премию по литературѣ.

Изъ новыхъ романовъ, вышедшихъ въ Германіи и не посвященныхъ войнѣ,—такихъ, разумѣется, не очень много,—критика отмѣчаетъ романъ Иды Бой-Эдъ «Тихіе герои», гдѣ, хотя и фигурируютъ нѣмецкіе офицеры, но зато не ввидѣ побѣдителей, а мирныхъ возстановителей разоренной промышленности. Другой, отмѣчаемый критикой, не-военный романъ написанъ Рудольфомъ Штрацомъ. Онъ называется «Король и возница» и посвящается нѣмецкимъ рабочимъ.

Въ нѣмецкомъ литературномъ двухнедѣльникѣ «*Literarisches Echo*» напечатана неизвѣстная до сихъ поръ статья Г. Гейне о композиторѣ Мендельсонѣ. Рукопись статьи находилась во владѣніи поклонницы поэта, покойной императрицы Елизаветы Австрійской. Статья эта въ свое время была прислана Гейне въ редакцію «Аугсбургской Всеобщей Газеты», но редакторъ не смѣлъ возможнымъ напечатать ее, такъ какъ поэтъ безпощадно и зло раскритиковалъ музыку Мендельсона. Рукопись онъ сохранилъ, а послѣдствии она была приобретена австрійской императрицей, собиравшей все то, что имѣло отношеніе къ памяти любимаго ею поэта.

Скончался видный польскій критикъ Валерій Гостомский, авторъ двухтомной «Истории общей литературы» и обширнаго изслѣдованія о «Панѣ Тадеушѣ» Мицкевича.

Газета «*Temps*» поднимаетъ интересный вопросъ о необходимости борьбы съ нѣмецкой научно-популярной книгой, завоевавшей книжные рынки всего міра. Какъ извѣстно, изданія Ф. Реклама и Тейбнера за ничтожно малую плату даютъ переводы образцовъ всемірной литературы, и дошло до того, что въ столицѣ Греціи произведенія Гомера можно получить только въ лейпцигскомъ изданіи. Благодаря своему терпѣнью, нѣмецкіе ученые охотно берутся за кропотливую работу по изученію старинныхъ рукописей, въ то время какъ французъ эта работа очень мало прельщаетъ. «*Temps*», обращаясь къ французскимъ ученымъ, писателямъ и издателямъ, предлагаетъ имъ объединеніе филологическихъ силъ Франціи, чтобы возстановить нѣкогда столь могучее французское вліяніе, съ которымъ коварно соперничаетъ нѣмецкая книга.

Кромѣ книги гр. Алексѣя Н. Толстого «На войнѣ» военнымъ событіямъ посвящены только что вышедшія книги Я. Окунева «На передовыхъ позиціяхъ» и В. Бѣлова «Кровью и желѣзомъ». Выпускаетъ также сборникъ военныхъ разсказовъ Е. Н. Чириковъ.

Въ московскомъ сборникѣ «Кличъ» будетъ помещенъ неизданный разсказъ покойнаго беллетриста В. А. Слѣпцова «У мирового судьи».

Въ Петроградѣ пріѣхалъ актеръ Антуанъ, основатель новаго театра во Франціи и впервые поставившій въ Парижѣ пьесы Ибсена, Гауптмана, Л. Толстого («Власть тьмы»). Антуанъ будетъ выступать въ Михайловскомъ театрѣ.

Нѣмецкій историкъ искусства Карлъ Ремингеръ, раненный подъ Диксмонде и находящійся на излеченіи въ Виттенбергѣ, случайно нашелъ тамъ въ частномъ домѣ неизвѣстную до сихъ поръ картину Луки Крапахаста-шаго «Поклоненіе волхвовъ», помѣченную 1518 мѣ годомъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1915 годъ

на ежедневную политическую, литературную и экономическую газету

10-ый
годъ изданія.

РЪЧЬ

10-ый
годъ изданія.

ИЗДАВАЕМУЮ ВЪ ПЕТРОГРАДЪ

И. И. ПЕТРУНКЕВИЧЕМЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ УЧАСТИИ

П. Н. Милюкова и I. В. Гессена

И ПРИ ПРЕЖНЕМЪ СОСТАВЪ СОТРУДНИКОВЪ.

ПОДПИСЧИКАМЪ газеты „РЪЧЬ“ на 1915 годъ,
внесшимъ до 1-го февраля подписную плату не менѣе, чѣмъ за
полгода, будетъ разосланъ **БЕЗПЛАТНО**

ЕЖЕГОДНИКЪ ГАЗЕТЫ „РЪЧЬ“

на 1915 г.,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ВОЙНЪ.

Время разсылки „ЕЖЕГОДНИКА“ будетъ зависѣть отъ хода военныхъ событий.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	12 м.	9 мѣс.	6 мѣс.	5 мѣс.	4 мѣс.	3 мѣс.	2 мѣс.	1 мѣс.
Въ Россіи Р.	12.—	9.—	6.—	5.10	4.15	3.15	2.15	1.10
За границу Р.	20.—	15.75	11.—	9.50	7.75	6.—	4.—	2.—

Для сельскаго духовенства, сельскихъ учителей, для учащихся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, фельдшероѡ, крестьянъ, рабочихъ и приказчиковъ **при непосредственномъ обращеніи въ главную контору:** на 12 м.—9 р., 9 м.—6 р. 75 к., 6 м.—4 р. 50 к., 3 м.—2 р. 40 к., 1 м.—85 к.

Адресъ главной конторы газеты „РЪЧЬ“:

Петроградъ, улица Жуковскаго, 21—121.

Пробные №№ газеты „РЪЧЬ“ для ознакомленія
высылаются бесплатно.

Необходимо при уплате ПЕРВАГО ПОДПИСНОГО ВЗНОСА точно указать, желаете ли получать журнал "ГОЛОСЪ ЖИЗНИ" съ 82-мя книгами
 полного собрания сочинений Л. Н. Толстого, или безъ этихъ книгъ а журналъ "ВСЕМИРНАЯ НОВЬ" съ 82-мя или 50-ю книгами сочинений Л. Н. Толстого.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ (БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКИХЪ и ФИЛОСОФСКИХЪ)

Л. Н. ТОЛСТОГО

подъ общей редакціею Д. В. ФИЛОСОФОВА, въ 82-хъ КНИГАХЪ (до 9.000 стран. текста въ $\frac{1}{4}$ долю листа), напечатанныхъ на высокоглазированной бумагѣ, четкимъ шрифтомъ. Къ изданію будутъ приложены **портреты автора**, воспроизведенные на мѣловой бумагѣ, и его **биографія**. Обложка художника Д. И. Митрохина.

Въ изданіе войдутъ **ВСѢ ПРОИЗВЕДЕНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО**, а именно:

РОМАНЫ и ПОВѢСТИ.—Война и Миръ", "Анна Каренина", "Крейцера соната", "Воскресеніе", "Дѣтство, отрочество и юность", "Казаки", "Утро помѣщика", "Семейное счастье", "Декабристы", "Записка маркера", "Два гусара", "Полюшка"—**РАЗСКАЗЫ**.—Набѣгъ", "Севастополь", "Рубка лѣса", "Встрѣча въ отрядѣ", "Метель", "Альбертъ", "Люцернъ", "Три смерти", "Холстомеръ", "Тихонъ и Маланья", "Идиллія", "Смерть Ивана Ильича", "Хозяинъ и работникъ", "Корней Васильевъ", "За что?", "Ягоды", "Пѣсни на деревнѣ".

ДРАМАТИЧЕСКІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.—Власть тьмы", "Плоды просвѣщенія", "Живой трупъ", "И свѣтъ во тьмѣ свѣтитъ", "Отъ ней всѣ качества"

ПОСМЕРТНЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.—Хаджи Муратъ", "Отецъ Сергій", "Дьяволъ", "Послѣ бала", "Фальшивый купонъ", "Алеша Горшокъ", "Зеленая палочка", "Записки сумасшедшаго", "Два спутника", "Кто правъ?", "Отецъ Василии", "Кто убійца?", "Лермонахъ Исидоръ", "Ходынка" и проч.—**ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ для НАРОДА**.—Чѣмъ люди живы", "Первый винокуръ", "Ходите въ свѣтъ", "Каюшійся грѣшникъ" и проч. 32 произведенія.

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСІЯ СОЧИНЕНІЯ.—Исповѣдь", "Въ чемъ моя вѣра?", "Христіанское ученіе", "Ученіе Христа, изложенное для дѣтей", "Что такое религія", "Какъ читать Евангеліе и въ чемъ его сущность" и проч. статьи 80-хъ и 90-хъ гг.—**КРУГЪ ЧТЕНІЯ**.—**СТАТЬИ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКІЯ**, а также объ искусствѣ, литературѣ, критическія.—**ПЕДАГОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ** и пр., и пр.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ Л. Н. ТОЛСТОГО БУДЕТЪ ДАНО въ 1915 году
ввидѣ **БЕЗПЛАТНАГО ПРИЛОЖЕНІЯ** къ слѣдующимъ **ЖУРНАЛАМЪ**:

„ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“

Годъ изд. II.

„Голосъ Жизни“—первый русский иллюстрированный еженедѣльникъ, поставившій себѣ цѣлью соединить художественность съ занимательностью, серьезность — съ общедоступностью.

Въ каждомъ номерѣ „Голоса Жизни“ помѣщаются рассказы, стихи, статьи талантливыхъ представителей всѣхъ литературныхъ теченій и не менѣе двадцати иллюстрацій.

Въ литературѣ „Голосъ Жизни“ стремится къ широкой объективности, а въ публицистикѣ — къ объединенію демократическихъ и прогрессивныхъ элементовъ русскаго общества.

Углубленное толкованіе современныхъ событій, подготовленіе русскаго общества къ предстоящей творческой работѣ — таково основное стремленіе „Голоса Жизни“.

„Голосъ Жизни“ — богато иллюстрированъ и даетъ тонко-художественный матеріалъ, равно какъ и фотографическіе снимки съ театра военныхъ дѣйствій.

Съ новаго года „Голосъ Жизни“ выходитъ при ближайшемъ участіи **Д. В. Философова**.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются стихотворенія и рассказы: С. Андреевскаго, С. Ауслендера, В. Бестужева, А. Блока, В. Брусинова, Б. Верхоустинскаго, З. Гиппиусъ, С. Городецкаго, Л. Добронравова, Бориса Зайцева, Георгія Иванова, В. Нарцаровой, Д. Крачковскаго, Д. Крючкова, А. Ремизова, В. Рошчина, Ю. Слезкина, П. Соловьевой, Ф. Сологуба, А. Чапыгина, Ив. Шмелева, Н. Эрберга и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ помѣщаются статьи: Б. Веселовскаго, Владиміра Гиппиуса, В. Ирецкаго, В. Каратыгина, проф. А. Карташева, Н. Коробки, проф. М. Курчинскаго, Антона Крайняго, Д. Левина, Н. Лернера, А. Мейера, Д. Меренновскаго, М. Новорусскаго, Е. Семенова, М. Славинскаго, проф. К. Соколова, Ю. Слонимской, проф. М. Туганъ-Барановскаго и др.

Въ „Голосѣ Жизни“ принимаютъ участіе художники: Александръ Бенуа, И. Вилибинъ, Ф. Бруни, М. Добужинскій, Г. Лукомскій, Д. Митрохинъ, М. Неичтайло-Андріенно, Н. Рерихъ, Л. Смирновъ, А. Соборова, С. Чехонинъ, В. Яннауеръ и др.

Подписчики „ГОЛОСА ЖИЗНИ“ получаютъ:

52 №№ художеств.-литературн. журнала и **82 КНИГИ** **ПОЛНАГО СОБРАНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО.**

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылкой **8 р. 50 к.**
допускается **РАЗСРОЧКА**: при подпискѣ **3 р. 50 к.**, къ 1-го марта—**2 р.**, къ 1-го юня—**2 р.**, къ 1-го августа—**1 р.**

Принимается подписка на журналъ „ГОЛОСЪ ЖИЗНИ“ безъ книгъ Л. Н. Толстого.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за годъ—**4 р. 50 к.**, за полгода—**2 р. 50 к.**, за 3 мѣс.—**1 р. 35 к.**

Пробные номера—20 коп. съ пересыл. При подпискѣ указывать избранный журналъ и число книгъ и адресовать Акц. Общ. ИЗДАТЕЛЬСТВА А. А. КАСПАРИ, ПЕТРОГРАДЪ: 1) Лиговская, д. 114, и Садовая, д. 20.

„ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“

(10-й г. изд.)

„ВСЕМИРНАЯ НОВЬ“ — еженедѣльный иллюстрированный журналъ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ, дающій въ теченіе года

52 №№ ЛИТЕРАТУРН. ЖУРНАЛА съ массой рисунковъ, иллюстрирующихъ ТЕКУЩІЯ ВОЕННЫЯ и проч. событія мировой жизни, съ интересными рассказами—новинками русской и иностранной литературы и проч. ПРИ НЕМЪ ВЫЙДУТЪ

66 ПРИЛОЖЕНІЙ

52 №№ юмористич. „СМѢХЪ и САТИРА“, а также илл. отдѣла
12 №№ „ХОЗЯЙКА ДОМА“ (моды и домовод.), **ОТРЫВНОЙ КАЛЕНДАРЬ-ЕЖЕДНЕВНИКЪ** на 1916 г., изящная **КАРТИНА-ПРЕМІЯ—„СВНДАНІЕ“** и

82 КНИГИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ пересылк. **7 р. 50 к.**
допускается **РАЗСРОЧКА**: при подпискѣ **3 р.**, къ 1-го марта—**1 р. 50 к.**, къ 1-го юня—**1 р. 50 к.**, къ 1-го августа—**1 р. 50 к.**

Принимается **УДЕШЕВЛЕННАЯ** подписка на „ВСЕМИРНУЮ НОВЬ“ съ 66-ю ПРИЛОЖЕНІЯМИ и **50 КНИГАМИ ПОЛНАГО СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ, РАЗСКАЗОВЪ и ДРАМЪ ЛЬВА НИК. ТОЛСТОГО**

(т. е. за исключен. его философск. произведеній)
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА за ГОДЪ съ перес. **ШЕСТЬ (6) руб.**
допускается **РАЗСРОЧКА**: при подпискѣ—**ДВА (2) руб.**, къ 1-го марта—**1 р. 50 к.**, къ 1-го юня—**1 р. 50 к.**, къ 1-го августа—**1 руб.**

Выдану высокой ПѢВНОСТИ для культурнаго міра творчества Л. Н. ТОЛСТОГО будетъ обращено особенное вниманіе на ТЩАТЕЛЬНОСТЬ ПЕЧАТИ и ИЗЯЩЕСТВО ВЪНѢШНАГО ВИДА полнаго собранія его сочиненій.